

ЕВА
КОФЕИ

ПОСЛЕДНЯЯ НЕВЕСТА
ДРАКОНА
НЕ СДЕЛАЮ ТЕБЕ БОЛЬНО

Ева Кофей
Последняя невеста Дракона.
Не сделаю тебе больно

<https://litres.ru/74214027>

Аннотация

Сиротка, фрейлина, фаворитка, убийца, сокровище, красавица, чудовище... королева? Я была жертвой хозяина чёрного замка, моего чудовища, чернокрылого дракона. Но смогла спастись. Вот только его не спасла. Что теперь? Из огня да в полымя - из чёрного замка в белый. Теперь я птичка в золотой клетке короля и совсем скоро стану его королевой. Смогу ли выбраться, прежде чем свяжу себя клятвой? Увижу ли ещё серебряные глаза моего чудовища? Постараюсь.

Содержание

ЧАСТЬ первая. Королева без короны	4
Дворцовые игры	
ГЛАВА 2. Нельзя спасти всех	39
ГЛАВА без номера, или Интерлюдия первая:	74
Радгард	
Конец ознакомительного фрагмента.	93

ЧАСТЬ первая. Королева без короны

ГЛАВА 1. Дворцовые игры

ЧАСТЬ первая. Королева без короны ГЛАВА 1. Дворцовые игры

Его Величество Луи-Филипп, король шестого королевства и мой ночной кошмар, делает выпад, скалится и заносит надо мной меч.

Солнечный луч, отражённый в стали, слепит глаза. Отступаю на шаг, стиснув зубы, сердце глухо колотится в клетке рёбер. Взгляд Филиппа горит неистовостью, он наступает, намериваясь пришпилить меня к стене собственного замка, как маленькую, светлокрылую бабочку.

Пот течёт рекой, несмотря на незаметно подкравшуюся прохладную осень, волосы прилипли ко лбу, всё тело ноет, словно одна большая растянутая мышца, но тем не менее, я решаюсь в сотый раз за утро поднять тяжёлый меч.

Никаких больше клинков.

От усилия вскрикиваю тонко, не успев себя сдержать, и надвигаюсь на Луи-Филиппа слева, уверенная, что он этого не ожидает.

Король замирает на долю мгновения, но лишь от звука моего голоса, утонувшего в туманной дымке. Угол его губ дёргается, глаза поблёскивают довольством. Хоть таким спо-

собом, но он заставил меня стонать.

Какая прелесть.

Целюсь в его плечо, слышу, как свистит воздух, чувствую... как земля уходит из-под ног.

Ударяюсь затылком о камни, морщусь от боли, щурюсь от яркости синевы неба, что впивается в глаза.

Чёрт. Не вышло. Снова не вышло.

Меч вонзается в песок в нескольких сантиметрах от моего лица, громом раздаётся королевский смех.

— Очень даже неплохо, дорогая.

В сотый раз проиграла даже не воину — всего лишь престарелому щеглу в воображаемой мантии. На просьбу об учителе, разумеется, я получила отказ. Неприлично будущей королеве по несколько часов проводить с мускулистым, ловким мужчиной наедине. Да и с чего бы это? Ведь наш душка Луи-Филипп — лучший воитель, среди всех прочих.

Вот только никто не пустит короля без наследника подходящего возраста в открытый бой... Впрочем, помимо отчаянного желания извалить ученицу в грязи и синяках, кое-чему он всё же меня научил. Я определённо умею больше, чем неделю назад и чувствую себя лучше.

Способной поднять меч как минимум.

— Он у вас затупится, Ваше Величество.

Он фыркает и подаёт мне руку, помедлив, всё же не отказываясь от помощи и встаю на ноги, чувствуя крупную дрожь, колотящую тело.

Луи-Филипп проводит громадной ладонью по моей талии и ниже, а затем подхватывает на руки.

— Я бы взял тебя прямо так, минуя купальни, не снимая рваного, грязного тряпья, в которое завёрнуто твоё хрупкое, белое тело, не добираясь до спальни...

— Избавьте от подробностей.

Но он, разумеется, не ограничивается словами и прижимает меня к белой каменной стене в замке.

Предварительно саданув затылком и лопатками и надавив на плечо так, что в нём хрустнула кость. Ему доставляет удовольствие одно лишь осознание, каким даром я обладаю. И ладно бы решить, что я могу пригодиться королевству (на самом деле — не слишком), что могу стать кем-то вроде его телохранителя и на этих правах находиться рядом, шурша бесконечными юбками и распространяя запах роз и сплетен.

Но нет, это всё ерунда по сравнению с тем, что со мной можно делать в постели и вне её, получая при этом на выходе вновь красивое, лишённое недостатков в виде гематом, тело.

Ещё он знает, что я острее обычных людей всё ощущаю, и это, видимо, возбуждает тоже.

Мой дракон любил, когда я причиняла ему боль. Мой король любит причинять боль мне.

Я усмехаюсь колко, упрямо уворачиваясь от поцелуя. Чувствую, если так продолжится и дальше, он станет плевать мне в лицо и бить сильнее.

Горячность на пределе.

Благородство — отсутствует.

Пристрастие к играм — на месте.

— Какие бы вы вещи ни представляли со мной в главной роли, — шёпот стекает с красных губ, — будь то позы, время и место, не будет фантазии слаще, чем вид меня, раскрасневшейся, желающей лишь вас одного, готовой пойти на многое ради вашей милости, блаженства, что Ваше Величество готово подарить деревенской девке. Так заставьте же меня это испытывать. Или берите силой.

Он придумал славно: оставлять подле меня в своё отсутствие не только рыцарей, но и фрейлин. И, если вдруг додумаюсь сбежать, не гнаться за мной, пока каждая из них не получит в подарок кровавую ухмылку прямо на горле.

Хорошенько изучил меня, неудивительно, ведь я росла на его глазах (и в этом есть что-то порочное).

После смерти Марианны и Мии, после пропажи Элизабет, я просто сойду с ума, если позволю другим умереть по моей, пусть и косвенной, но вине.

Ещё предупредил, что те же меры будут приняты, если я решу — ну так, вдруг — наложить на себя руки.

И тут прогадал, я изменилась и выросла на глазах дракона куда больше, если так вообще можно выразиться.

И не планирую покидать этот мир по своей воле. Я что-нибудь придумаю и выберусь отсюда, как только найду ответы на свои вопросы.

А пока приходится принимать горячую ванну с пеной (тут жаловаться не на что, условия сейчас у меня лучше, чем когда-либо) за ширмой под щебетания девушек и молчание рыцарей у стены.

Интересно, фрейлины хотя бы понимают, что происходит? Ведь я под конвоем, это очевидно.

Говорить откровенно не получается.

Во всяком случае, держатся они отменно.

Слегка сменился этикет, что же, как и мода, он непостоянен, правда же? Королеву же всегда из рук в руки король передавал толпе придворных, а затем забирал точно таким же образом.

Ага.

Строго говоря, пусть отношение ко мне и другое, но у меня всё ещё нет никакого официального статуса при дворе. Что невеста Луи-Филиппа — не в счёт, ведь официально брак с Флорией не расторгнут, по этому поводу есть некоторого рода волокита, что изрядно, должна сказать, его нервирует.

Фаворитка короля? По правилам шестого королевства она должна занимать как минимум должность фрейлины, но во дворце не осталось ни королевы, ни принцессы.

Против наведённых им в последнее время беспорядков выступают храмовники, жрецы единого бога, но Луи-Филипп несколько их не опасается.

За то время, пока меня не было, он тоже изменился.

Несущественно, так, всего лишь немного сошёл с ума.

Я усмехаюсь своим мыслям, прочищаю зубы смесью золы с мятой и чем-то ещё, умываюсь молоком и подзываю к себе одну из служанок, чтобы помогла мне промыть волосы, да подала полотенце и слоёное платье, из таких, что я терпеть не могу.

Фрейлинам негласно нельзя подходить ко мне слишком близко и оставаться наедине. Не ближе метра, не дальше пяти.

Спустя сорок минут уже сухие волосы убраны в замысловатую причёску вместе с сиреневыми лентами, и наша процессия переносится в библиотеку Луи-Филиппа. Мы на мужской половине замка с разрешения Его Величества. То, что было недоступно маленькой сиротке, казалось бы, совсем недавно, сейчас приносят мне на блюде, стоит лишь похлопать длинными ресницами.

Маниакальность короля пугает.

Впрочем, у меня есть и более животрепещущие темы для размышлений.

Я устраиваюсь у окна с историей семи королевств. Тяжёлая, рукописная книга, составленная специально для молодых наследников престола, а потому написанная лёгким языком. Полагаю, здесь далеко не всё — правда, но какие-то основы можно почерпнуть. Я жила лишь легендами отца и бабушки и слепо верила в детстве, что мир именно такой, как мне его описывали. А следующие пять лет в качестве фрей-

лины провела в атмосфере, где истории будто и вовсе не существует. Дракон показал мне куда больше за короткий срок: я общалась с нечистью, посетила дом, увидела, как порой заканчивается судьба богов, убедилась в бездушности фэйри, познакомилась с ведьмой, ощутила на собственной шкуре, как многогранны люди и сложна, а потому прекрасна, жизнь.

Сейчас меня больше всего интересует седьмое королевство и взгляд людской на него.

В окно долбится, трепыхаясь, огромный ворон, я передёргиваюсь, к горлу тут же подкатывает тошнота. Воспоминания он навеивает не самые приятные.

Когда птица, наконец, разбивает себе голову и падает, я окидываю взглядом двор через окровавленное стекло.

— Ваша Светлость, — уголок губ дёргается в ответ на странное обращение одного из рыцарей, — вам плохо?

Одариваю его кислой улыбкой.

— Принесите, пожалуйста, стакан воды.

Плохо мне было, когда я только вернулась в сошедшее с ума шестое королевство, стылое и обросшее скелетами не меньше, чем чёрный замок. И увидела уже едва узнаваемый труп Джона-Пирата, привязанного к крестообразным брусьям с отрубленными конечностями. Он умер, истекая кровью, на потеху горожанам.

Луи-Филипп быстро понял, что произошло — и вынес это на всеобщее обозрение. Я надеялась, что если он что-то и узнает, решит не распространяться о том, где на самом деле

Элизабет, ведь это бросило бы на него тень. Не пожертвовал дочерью. Не смог приструнить пигалицу-жену.

Куда ему в таком случае управлять страной?..

Но король ведёт себя так, словно других королевств не существует, соответственно, и внешней политики тоже.

Я уже молчу о репутации.

Быть может, этим и можно было бы восхищаться, если бы я не видела корень его поведения, не замечала странного блеска глаз и сладковато-едкого запаха жёлтого змей-цветка с Юга.

Всё что происходит — ода слабости.

Наглядная картина того, что бывает, если идти на поводу у своих желаний.

Казалось бы, всего-то хотел держать у своей постели хрупкую девочку экзотической красоты, которую некому защитить. Дело невеликое для короля, но пришлось перевернуть королевство с ног на голову, внушить народу страх бесконечными, истеричными казнями, посадить королеву в темницу, объявить награду за голову принцессы и отчего-то медлить со спасением фрейлины, унимая тревогу дурманящим дымом...

Не в том ли дело, что Луи-Филипп как-то связан с Даймоном? Я перелистываю страницу и замираю, глядя на рисунок с Люмиэрой и Первым Королём. Она прекрасна, сказать тут больше нечего. Он красив по-мужски, силен и опасен. Какую-то глухую тоску вызывают во мне мысли о них. Словно

что-то в этой паре есть неправильное, противоречивое.

И это говорю я, много лет страдающая по принцу, с которым виделась лишь единожды.

Смешно.

Спустя несколько часов беглого чтения я добираюсь до самой свежей главы. О войне. О том, как королевств стало шесть.

Приятно удивлённая, веду плечом и морщусь от боли в мышцах. Когда заходит король, фрейлины мои молчат, они обсудили всё, что было можно и нельзя, и сейчас честно стараются не уснуть. Луи-Филипп отпускает всех. На нём багрово-золотой камзол, под которым великолепная чёрная рубашка.

Комплиментарное щебетание стихает, в большой и светлой, но прохладной библиотеке мы остаёмся одни.

— Как чувствует себя королева? — улыбается он, довольный, как набивший брюхо кот, из-за чего можно сделать вывод, что кто-то из придворных дам сумел разогреть его величественные чресла.

Ммм, всегда бы так.

— Сегодня я не навещала её, — поднимаю на него фиалковые глаза и захлопываю книгу, надеясь, впрочем, что вскоре смогу к ней вернуться.

Луи-Филипп ухмыляется, подходит ближе и берёт меня за руку. Перебирает тонкие, бледные пальцы. Сдавливает один, пытаясь выдавить из меня слёзы. И только добившись свое-

го, отпускает.

Я, стиснув зубы, применяю силу.

— Север перечислит в нашу козну выкуп за Флорию и признает брак недействительным взамен на то, что я её отпущу. Только что получил весточку от своих людей, но официально письма ещё не было.

— Вы могли бы освободить её уже сейчас, хотя бы обеспечить ей лучшие условия.

Я перевожу взгляд в окно, чтобы не глядеть в его словно бы выбитое из камня лицо, когда он садится напротив и теперь с нежностью поглаживает моё запястье.

— Когда официальный посол с бумагой и деньгами будет здесь, я отпущу её.

— Путь неблизкий, к тому времени она будет смертельно больна. Как можно... быть таким жестоким с матерью собственных детей?

— А тебе не надоело, — едва ли не рычит он, скинув книгу со стола, — разыгрывать эту комедию? Варя... Посмотри на меня.

Поджав губы, я выполняю королевскую волю.

— Она отправила тебя на смерть, но по-прежнему главный злодей для тебя — я. Она ненавидела тебя, я же боготворил, она выволокла тебя из замка, я — сделал королевой. Разве это справедливо?..

— Может быть, и нет, — отвечаю я шёпотом лишь потому, что он предпочитает повышать голос. — Вы — король. Но

и вам придётся смириться с этим, вам придётся понять, что вы — не бог. Какие-то вещи всегда будут вам неподвластны. Несправедливость, как и война, — улыбаюсь, — иногда просто случается. Иногда просто не везёт.

— Ты всё ещё ненавидишь меня за ту войну? За смерть близких?

— Я никогда этого не говорила.

Он поднимается из-за стола с грохотом и принимается расхаживать по библиотеке, заломив руки за спину.

— Я помню тот твой взгляд, в первый день по твоему приезде вместе с рыцарями. Никогда не видел столько ненависти в глазах маленькой девочки. Даже подумал, не приказать ли убить, ведь как такое оставить во дворце? — он усмехается тепло, рассказывая это, у меня в груди замирает сердце, накатывают воспоминания. — Ты крушила вазы и дорогие статуэтки, выдирала волосы из причёсок фрейлин и кричала что-то на своём языке, верно, клялась убить меня...

Странно, до этого момента я помнила себя более сдержанной, но не думаю, что он преувеличивает.

Просто я забыла, какой была когда-то.

— Со временем ты успокоилась, конечно, несколько раз тебе пришлось преподать урок, но тем не менее. Тебя причесали, нарядили в милые платья по последней моде, обучили языку и дворцовому этикету. Сделали забавной, экзотичной игрушкой для принцессы.

Луи-Филипп подходит ко мне и кладёт тяжёлые, горячие

ладони на хрупкие плечи.

— Твой взгляд ничуть не изменился. Ненависть, спаянная с болью, — это он выдыхает мне в волосы, а затем его дыхание красной лентой касается шеи. — Я быстро понял, что оставлю тебя себе. Быстро... полюбил. Он целует меня в шею, слегка прикусывая кожу, спускается ниже, рушится на колени у моих ног, вцепляется в пёструю пышную юбку.

— Ты была слишком молода, и я ждал. В тот момент, когда понял, что ты становишься лишь краше, привлекая к себе внимание герцогов и прочих бездарей, мне пришлось разделить замок на две половины и оградить тебя от других мужчин. Пусть ты этого и не замечала, но я всегда наблюдал за тобой. И в те моменты, когда ты бродила по крышам и в те, когда сбегала из замка. Не всегда лично, но... Ты была на моей ладони, я готов был ждать столько, сколько потребуются, лишь бы ты сама хотела этого. Но как я не старался, твой взгляд горел ненавистью. И до сих пор... Я готов положить мир к твоим ногам, чего ты хочешь ещё?..

— Я ненавижу тебя, — касаюсь прохладными пальцами его руки, — потому что боюсь.

— Разве я всерьёз обижал тебя?

Филипп целует мои пальцы, прячет лицо в складках ткани, тяжело молчит. Я лишь усмехаюсь из последних сил. Что ответить мужчине, который думает, что всё в порядке, который уверен, что делает даже больше, чем стоило бы.

И который считает, что девушке не полагается отвечать на

страсть чем-то кроме страсти.

Мне хотелось бы быть правилом для хорошего человека, а не исключением для злодея.

Не добившись ничего своим признанием, Луи-Филипп поднимается, мрачный, как скала, идёт к шкафчику и достаёт бутылку бренди и хрустальный бокал.

— Что касается войны, — обращает он внимание на книгу, что теперь валяется на полу со скошенным корешком, — седьмое королевство спровоцировало нападение. В один день пали магические границы, не пропускающие к нам тварей, а к вам — простых смертных. Раньше это было возможно по определённым договорам, наши девушки становились жёнами знатных нелюдей, разбавляя кровь, каким-то образом, заряжая магию. Это было приемлемо, взамен казна пополнялась драгоценностями. Но то, что случилось пять лет назад... Камни, созданные когда-то Первым Королём, оказались украдены и уничтожены. Дабы не допустить вторжения чудовищных полчищ, все шесть королевств ненадолго стали едины и смогли опередить тварей и уничтожить любые риски... Я замираю, не в силах поверить в услышанное.

Король опрокидывает в себя бренди и продолжает:

— Ты пугала людей, даже не зная этого. Оставить тебя — это была величайшая вольность, которую я только мог себе позволить тогда...

— Для чего было разрушать самоцветы? Они оберегали всех, и седьмое королевство в том числе... Это просто... за-

говор. Иначе как объяснить, что все так быстро мобилизовали войска?

— Как ты уже заметила, страх рождает ненависть. Ты можешь мне не верить, Варя, но я не начинал эту войну, но защищался среди всех прочих. Что же касается Диких Земель... Ты пеняешь мне жестокостью к нелюбимой жене, которая нарушила закон и рискнула тысячами жизней, но разве дела на твоей родине были лучше?

— К-конечно...

Он снова выпивает и усмехается.

— Наследники должны были играть в смертельную игру на глазах у всего седьмого королевства, убивая друг друга. Родители не общались с детьми, поскольку те были всего лишь фигурами на доске в угоду древней традиции. Да и какая тут могла быть родительская любовь, если после победы одного из наследников он должен был стать королём, а его отец обратиться в камень и занять место в зале славы? Короли у вас не доживали и до пятидесяти — и эту страну ты так восхваляешь? Правда хочешь быть плотью от плоти её? Или всё же примешь мои земли, как свои?

— Это всё лишь сказки, которыми пугают у вас маленьких мальчиков...

— Потому что ты об этом не знала?

Я веду плечом.

Филипп хмыкает и достаёт с одной из верхних полок тяжёлую книжку в тёмно-зелёном переплёте и с позолоченным

теснением. Он открывает её на первой желтоватой странице, где ровным почерком на моём родном языке выведено: «Обряды и традиции седьмого королевства».

— Это подарок моему деду от одного из ваших правителей. Имена королей, как ты знаешь, скрыты.

Я киваю, это действительно так.

Имя короля называется лишь при принесении клятвы, а после забывается. Из-за этого создаётся иллюзия, что в седьмом королевстве правит на протяжении столетий один и тот же человек.

Я ещё не родилась, когда на трон взошёл новый повелитель, но при мне активно восхваляли его детей, светлейших принцев — Фернанда, Радгарда и Лунарда.

После и их имена бы забыли.

Неужели Лун и вправду должен был либо убить своих братьев, либо умереть?

— Общины у вас закрытые, и каждый Жрец сам решает, сколько правды вплетать в легенды. Может быть, кровавые подробности должны были дойти до тебя позже. А, может, никогда. Лишь потому что они противоречили тому, чем вы, светлые маги, должны заниматься. Я понятия не имею. И ты, вижу, тоже.

Он надвигается на меня, отбросив опустевшую бутылку в сторону. Словно раздражённому ребёнку, ему хочется крушить всё вокруг, ломать собственные игрушки в виде девичьих пальцев, например.

Это-то меня в нём всегда и пугало, переменчивость характера и власть, слишком большая для его личности, вместе дают... это... Он швыряет меня на стол, запускает горячую ладонь под платье, впивается в бедро пальцами, целует шею так, что наверняка останутся синяки. Больше даже не трепыхаюсь в его руках, лишь сверлю взглядом потолок и с каждым мгновением вижу всё меньше из-за слёз.

— Чёрт бы тебя побрал!

Он ведёт рукой выше, другой сдавливая мне горло. Я задыхаюсь, мысленно читаю молитву, сдерживаю себя, чтобы не дёрнуться и не доставить ему этим какое-никакое удовольствие.

Пусть думает, что я уже похоронила себя.

Что мне стало мерзко настолько, что я готова попроситься с жизнью.

Это не так. Мне скорее смешно. Король нависает надо мной, в его светлых глазах плещется такое отчаяние, когда он ослабляет хватку, что я всё же смеюсь тихо, но с безоговорочным удовлетворением.

Являться предметом метаний вполне себе зрелого и более чем состоявшегося мужчины — уже шутка.

А если речь о правителе шестого королевства...

— Мне вот интересно, — выплёвывает Луи-Филипп, — спала ты с ним или нет? Почему-то же он тебя не убил!

— Почему-то же ты меня не убил, — приподнимаю я бровь. — Интересно, спала я с тобой или нет? Уже не пом-

ню...

— О, мне бы так хотелось, на какую-то долю я уверен, что мне бы полегчало... Он проводит пальцем по моим светлым бровям, спинке носа, губам, которые теперь выглядят гораздо лучше из-за тонны бальзамов и прочих женских ухищрений.

— Больше, чем свернуть тебе нежную шейку, я мечтаю лишь обладать тобой.

— Насчёт ночей, полных любви с драконом, проверить будет довольно проблематично, учитывая мой дар... — усмехаюсь я. — Но мне было хорошо с ним.

Закономерно получаю пощёчину, не меняюсь в лице, но прикрываю веки. Филипп запускает пальцы в мои волосы, окончательно испортив причёску, шумно вдыхает их запах, тяжело дышит, странно всхлипывает и шепчет мне на ухо:

— Хочешь сказать, я хуже дракона? Каким мне нужно быть, чтобы ты полюбила меня?

Я пытаюсь приподняться, слава богам, он не сразу, но даёт мне это сделать.

— Какой в этом смысл, Филипп? — слышу свой сбивчивый шёпот, будто со стороны. — Сыграть свадьбу, стать королевой, нарожать тебе детей? Чтобы ты развлекался с бесконечными любовницами? Чтобы, впечатлявшись той, что будет красивее и моложе меня, бросил меня в темницу? Или того хуже, объявил на всю страну награду за голову нашей дочери?

Перехожу на «ты», осознаю это, но не исправлюсь. Момент подходящий, интимный, да и сил на то, чтобы держать лицо и следовать букве этикета — нет.

— Я бы любил тебя. Всё королевство любило бы. До самой смерти ты не знала бы бед и забот.

— Пустые слова. Не понимаю только, для чего делать меня королевой? Какая тебе от этого выгода? Забыл, кто ты такой? Пусть ты хочешь меня, хочешь, чтобы я принадлежала тебе одному, резонно, но для этого не обязательно жениться, уж не мне говорить об этом...

— Я буду властвовать над всеми, — его глаза сверкают, взгляд горячий, жуткий, — и ты будешь стоять за моим плечом.

Он касается меня, отслеживает реакцию, кривится и бросает:

— Лучше уходи сейчас.

Слава богам! Это именно то, что мне нужно. Я подхватываю книгу о своей родине, в спешке поправляю волосы и птицей вылетаю за дверь, чувствуя тяжёлый взгляд короля.

Фрейлины с рыцарями, конечно же, сидят в коридоре.

Лежу в постели за полупрозрачным балдахином, пока три фрейлины вяжут кружева при тусклом свечном свете. Рыцари за дверью и под окном. В моей руке маленький острый ножичек, подобный тому, которым Луи-Филипп резал яблоко, пока Элизабет переодевалась.

Боже, это было будто бы в прошлой жизни...

Подытоживая последние дни... Я решила бороться с чувством беспомощности в том числе тренировками, пусть даже единственный учитель, который мне светит — Луи-Филипп.

Решила держать дистанцию с королём, пока жду обещанного от Даймона. Но долго не ждать. И придумать альтернативный вариант в любом случае.

Выяснить больше о седьмом королевстве, драконах, принцах и магах. И быть готовой к любой правде.

Пообещала себе, что мир больше не будет рушиться под моими ногами, и я не упаду.

Мой страшный кошмар сбылся, я снова в проклятом замке, правда, в новых уже покоях, король сходит с ума, и это только моя проблема — увы, уже не Флории или придворных, большинство из которых давно повешены из-за слишком длинного языка.

Эларис... я надеюсь, что моя догадка на его счёт верна, потому что в ином случае... возьму и убью его взаправду!

Только, господи, для этого он должен быть жив.

Сегодня я сделаю это, несмотря на фрейлин и рыцарей...

У меня всё готово — нож, мокрая тряпка, зубочистка, время к трём ночи, когда все слишком сонные, чтобы сообщать быстро.

Под одеялом не слишком заметно, как я приподнимаю ногу, чтобы было удобнее добраться до того самого места на бедре, из-за которого однажды едва не отправилась к —

надеюсь — богам. Зажимаю край ткани зубами, готовясь к хлёсткому удару боли. Режу глубоко и верно. Дрожа всем телом, нащупаю небольшой кожаный свёрток и вынимаю его.

Я знаю, что так легко получить заражение, но на тот момент это всё, что я могла сделать, чтобы сберечь хрустальный браслет. По дороге Луи-Филипп выбросил всё, что было в моём мешке — и клинок, и зеркало фэйри, единственную связь с Элизабет, и уже ненужный, растрескавшийся кулон. Всё из-за страха магии. Но браслет я успела спасти и, недолго думая, впечатлённая фокусом Даймона, спрятала его в том же месте, где был Ворон, разрезав плоть и снова «сшив» ткани. А так как в этом было мало магического, нога ныла нещадно на протяжении всех последних дней.

Стоило ли оно того?..

Подсказкой во сне меня одарила Заря, она же оставила кулон на месте и во второй раз, для большей наглядности вместе с яблоком. Знаю, ей доверия нет, но попав в ловушку врага, можно узнать больше.

Я медленно переворачиваюсь набок и принимаюсь под одеялом оттирать камни от лишней крови. Затем, пройдясь зубочисткой по ране, вытаскиваю один из хрустальных камней и осторожно заполняю линии, что складываются всё в те же буквы, и в то же слово: «Л. У. Н. А. Р. Д.».

В прошлый раз я стала видеть Элариса, но так как даже в страшном сне не могла связать Луна, прекрасного и юного, с драконом, списала всё на отравленную воду. Которая —

теперь я это понимаю — была самой обычной.

Боже, боги, тысячи ангелов и гелид, пусть я окажусь правой.

Покончив со всем, натягиваю браслет на щиколотку, и трачу последние силы на залечивание раны. Простыня и одеяло испачканы, но я думаю, что никто из служанок не найдёт в этом ничего необычного. Разве что лишний раз убедятся, что я не беременна. Это ведь как-то связано.

Облизываю губы, обнимаю подушки, вздрагиваю от нежного, но сонного голоса одной из фрейлин:

— Ваша Светлость, вам не спится? Всё хорошо? Принести тёплого молока? Воды?

— Всё в порядке, Офелия.

Комната начинает трястись, я не подаю виду, надеюсь, что ко мне не подойдут проверять, не станут тормозить, поднимать одеяло и другими способами проявлять заботу.

Ибо это, конечно, хорошо, но очень-очень не вовремя... Сердце замирает, я вновь оказываюсь в чёрной скале и через сизую дымку едва могу разглядеть висящего на цепях Элариса... Лунарда?

К именам недаром у народа седьмого королевства было особое отношение, с ними сложно скрываться под чужой личиной, ведь на зов магии откликается лишь истинное звучание. И, если мастер артефактов сделал всё верно, хрусталь нельзя обмануть, он указывает на того, кому принадлежит имя. Пусть этот человек и зовёт сам себя иначе...

А как, интересно, с именами, что повторяются?

Должно быть, артефакт чувствует того, кто им пользуется и ищет нужную связь через него. А я знаю лишь одного Лунарда. Мне важен лишь один.

Но, раз речь о магии, чем я должна платить за неё?

Перехватывает дыхание, по телу разливается жар. Хотя в картине, что предстаёт передо мной, нет ничего прекрасного: дракон истерзанный и полуголый висит на цепях, глядя в пол, так что за волосами не видно его лица.

Не могу подойти ближе... Кусая губы, пытаюсь унять сваливающий с ног жар.

А вот и плата — неуместное, нестерпимое возбуждение.

Какой... однако... забавный артефакт.

Я вздрагиваю от чужого голоса позади, он дробится так, что меняется звучание, я узнаю и не узнаю его одновременно. Но разбираю слова:

“Отныне ночь наступает рано.

Спи, засыпай, не бойся.

Смерть ткёт своё покрывало Из звёзд, из погибшего солнца.

Если глаза закроешь,

Не увидишь её над собою.

Сны, то не место для встречи,

Сны, это место покоя...

Но когда веки смыкаешь,

Тьма наступает сразу.

Смерть в ней вышивает звёзды...

Те, что не видимы глазу.

И плещется кровью алой

Мыслей причудливый танец.

Спи, засыпай, не бойся.

То Смерть уколола свой палец..."

Это колыбельная, и в ней я смутно узнаю строки, что пел дракон перед своей мнимой смертью.

— Ты подумал над моим предложением?

Я слышу голос, но не могу обернуться, чтобы взглянуть. Голова начинает болеть, картинка перед глазами смазывается, становится всё более мутной, как бывает во сне.

Падаю на колени.

Дракон поднимает голову, его серебряные глаза сверкают. На мгновение мне кажется, что он видит меня, хотя это невозможно.

— Никогда.

— Щенок... — усмехается некто. — Я перевернул с ног на голову мир, чтобы что?

— Я просил не об этом...

— Довольно, — голоса разбиваются о каменные, влажные стены, я уже едва разбираю слова, они всё тише и глуше. — Я сделаю всё один, какая разница? Хотелось бы, чтобы мой брат взглянул на старый мир перед тем, как он неумолимо изменится ради него...

«Радгард...» — мелькает у меня в мыслях догадка, а затем

всё перетекает в странный, светлый и спокойный сон.

Всё в том же окровавленном ночном платье, с мягкими рюшами до пола, с распущенными длинными волосами цвета льна, я оказываюсь на цветочной поляне у могучего дерева, к ветви которого привязаны качели из двух верёвок и широкой доски.

Небо жёлто-розовое и по нему плывут косматые белые облака.

К качелям подходит рыжеволосая Заря, я замираю, будто не веря, что вижу её среди всей этой нарочитой лёгкости и красоты.

— Здорово здесь, правда? — будто читает она мои мысли, устраиваясь на доске. — Хватит пялиться на мой шрам, это некрасиво, Ваша Светлость...

— Что здесь происходит?

Заря фыркает, покачиваясь, наслаждаясь лёгкими, тёплыми порывами ветра.

— Это место рядом с моей деревней, той, где я родилась. Очень люблю его. В реальности, конечно, всё давненько изменилось. Земля хлебнула крови и огня, сама знаешь, как это бывает.

— Это... сон?

— Ага. Мой талант, талант моего рода, так сказать, заключается именно в манипуляциях со снами.

— А оборачиваться в лису — просто увлечение?

— Я очень способна, к тому же, у меня превосходный учитель, — она показывает мне язык и начинает раскачиваться.
— Недоумеваешь, почему я тебе снюсь?

— Он приказал?

— Неа, но я не говорю, что не расскажу ему, просто... мне скучно. Решила проведать милую сердцу подружку, тем более, когда она собирается играть с огнём и рисковать своей жизнью.

Все мои движения здесь словно бы замедленные, но почему-то это не пугает, а расслабляет. Сон есть сон. После чудовищной колыбельной, что звучала в тёмной, сырой пещере, оказаться под таким небом — облегчение.

Хотя мысли о Лунарде не дают сосредоточиться на словах и голосе Зари.

— Ты о чём?

— О похотливом артефакте, конечно же. Милая штучка, да? Учитель сделал... Он такой... затейник. Ему было скучновато наблюдать за вами, ты была слишком холодна, не было, как его? Притяжения.

— Он наблюдал?

— Теми или иными способами, конечно.

— Не понимаю.

— Ага. Вот только браслетом нельзя пользоваться слишком уж часто, его нельзя носить постоянно. Я передала его тебе, пожалев, чисто по-девичьи. Ну, чтобы ты могла иногда смотреть на дракона. Но, зная тебя... Ещё вцепишься,

будешь на ноге носить, пока не начнёшь бросаться на мужчин... А потом ещё и затухнешь, как свечка... Что я скажу учителю?

За свою шкурку переживает, что же, значит, её словам более ли менее можно доверять.

— С каждым использованием и каждой каплей крови, а кровь подходит лучше всего для начертания, ты правильно догадалась, браслет даёт его обладателю всё меньше, а берёт всё больше. Это правило. Плата вполне изящная, я считаю. Но ты это... больше не пихай его в себя, а то... ну, он будет действовать. Лучше спрячь подальше и пользуйся не чаще, чем раз в несколько дней. И да, глаза, магия откладывает отпечаток на внешности, у тебя уже немного разнится цвет. До поры до времени вряд ли будет слишком заметно, но ты не усердствуй.

Я валюсь в траву, приминая цветочки, купаясь в их тонком, чудесном запахе.

— Ты тоже дочь седьмого королевства, — бросаю невпопад.

— И что? В гробу я его видела! — фыркает Заря. — Учитель, израненный после того, что произошло пять лет назад, нашёл меня, скажем так, тоже не в лучшей форме. Мы выхаживали друг друга, он сделал меня своей... ученицей. И служу я ему не потому, что мы якобы одной крови...

Противопоставляет меня с собой?

Ну я уж точно не претендую на внимание этого ублюдка.

Как и на всех прочих.

— Трогательная история, вот только обращается он с тобой так, будто ты ничего для него не значишь.

— Может быть, чтобы ты почувствовала себя особенной и сделала то, что велят?

— Что?

— Попросила небеса благословить седьмое королевство, — фыркает Заря, — лично.

— Это как?

— Ну, например, призвать ангела, — она ведёт плечом и морщит носик. — Мне самой жутко, размах крыльев слишком... большой.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, ты скоро проснёшься. Портишь мои цветы.

Я поднимаюсь пошатываясь. И подхожу к ней, уже едва покачивающейся на качели.

— Почему даже здесь ты со шрамом? А в реальности? Можешь оборачиваться лисой, являться другим во снах, но не убирать раны?

— Конечно, — она глядит на меня своими безумно-красивыми янтарными глазами. — У учителя пока нет времени это исправить, но он обещал.

— Разве он не тёмный маг? Я всё гадала, как ему удалось залечить мою рану, ведь это прерогатива Светлых...

Заря ухмыляется.

— Он был магом когда-то. А теперь он — место. И ты бы

полюбила его, видно, без памяти, если бы узнала — какое.

Для меня это звучит так же бессмысленно, как и любые другие фразы в обычных снах. Я прикладываю ладонь к её щеке, концентрируюсь и убираю шрам.

— Дурочка, — смеётся она, — это ведь сон.

— Пока только так, — улыбаюсь я.

Заря замирает и выгибает бровь.

— А где твоя метка, кстати?

— Какая?

— У всех магов они есть, так их можно отличить от людей. Обычно это скрывают. Но не везёт тем, у кого она на лбу. Просто интересно, в каком таком месте она таится у тебя и как выглядит.

Я... первый раз об этом слышу...

Хотя нет, не первый, о чём-то подобном говорил и Ниа, но... На моём теле, насколько мне известно, ничего нет.

Небо и земля сворачиваются в один ковёр, в центре которого — я. Секунда, другая, образ Зари окончательно исчезает, её голос оборачивается запахом раскалённых на солнце камней, а те собираются в бабочку с чёрными крыльями, и она становится ночью за моим окном.

Не понимаю, зачем Лунардну нужно было называться другим именем и так странно реагировать на серебряное колечко, которое сам же мне и подарил.

Две эти любви, одна из которых была самым сложным вы-

бором в моей жизни, до сих пор не могут соединиться в голове, но сердце... сердце будто бы знало это всегда. Утром я спрятала браслет в горшке с отцветшей фиалкой, приняла ванну, отговорила очевидной причиной на вопросы о своём самочувствии и окровавленной постели, и после завтрака получила разрешение навестить королеву Флорию.

Её из темницы перевели в одну из башен с узкими окнами, в которые и голову-то просунуть невозможно. Надеюсь, северяне скоро посетят нас и увезут её домой. Там будет легче, я уверена.

Быть может, и для неё замок Луи-Филиппа был клеткой, быть может, она не станет тратить время на то, чтобы проклипать меня до конца жизни.

Ужасная участь, которую не пожелаешь никому.

Вхожу, оставляя рыцарей и фрейлину за дверью. Комната здесь небольшая, круглая. В центре стоит кровать, рядом с ней на тумбе остатки завтрака и салфетка. Вилки и ложки нет, тарелки деревянные. Флория стоит у окна в тёмно-зелёном строгом платье в пол, у неё безупречная осанка, будто и не проводила она последние недели в заточении, по большей части без еды и воды. Как я слышала, король лишь недавно распорядился насчёт завтраков и ужинов для жены. И у меня не найдётся слов, чтобы описать свои чувства по этому поводу.

Её светлые волосы убраны в аккуратную причёску. На высоком лбе больше морщин, чем мне запомнилось, но глаза

всё так же полны холода.

Мы молчим несколько мгновений, затем она усмехается, переводя взгляд с окна без стекла на меня.

— Пришла поиздеваться?

Качаю головой.

— Вы виделись с Филиппом? Он рассказал новости? Скоро вы отправитесь домой.

Она выгибает бровь.

— Филипп? Так ты его называешь?

Не знаю, что ответить. Знаю, что правильнее было бы использовать первое имя, но моя главная промашка в том, что я вообще зову его по имени. Хватило было и «Его Величества».

— Я знаю, вы ненавидите меня, но я не внушала ему чувства к себе и роль, что он отвёл мне, для меня нежеланна. Мне лишь хотелось обрадовать вас добрыми вестями и спросить, не нужно ли чего-нибудь ещё?

— Последнее, что мне нужно, это твоё лицо перед глазами.

— Понимаю. Сейчас уйду. Мне лишь хотелось сказать... спасибо за то, что помогли Элизабет. Я очень ценю это. Ей не повезло с отцом, но вы стали для неё хорошей матерью. О которой хотелось бы мечтать и мне...

Она в ответ лишь рассматривает меня, поджав губы. Мне не хочется нервировать её и оправдываться, действительно, лучше уйти. Но когда касаюсь дверной ручки, Флория про-

сит:

— Останься ненадолго.

Я сажусь в старое кресло, мну пальцы от волнения, она набирает в грудь воздуха и, выдохнув, произносит:

— Ты действительно так глупа, какой хочешь казаться?

— Не могу этого знать.

— Не хочешь быть королевой? Кто тебе поверит?

— Это тяжёлая ноша.

— И её нужно нести с достоинством... Поверить не могу, — она бросает скомканный в кулаке платок на кровать и касается пальцами красивых губ, — Луи останется с сопливой девчонкой? Кто будет заботиться о нём? Ты ведь распустишь его... Он погрязнет в пьянстве и разврате, как это случилось с его старшим братом...

Я выгибаю бровь. Точно так же, как её удивляет моё волнение за Элизабет, меня удивляет её волнение за короля.

Хотя в обоих случаях, по сути, ничего удивительного нет.

— К тому же, как ты будешь относиться к моим детям? — она всхлипывает и отворачивает к окну, явно пряча слёзы. — Мелкая, безответственная тварь, сама ещё ребёнок. Он использует тебя и выбросит, а что будет с детьми? Кто будет следить, чтобы прислуга не позволяла себе лишнего? Чтобы королевских отпрысков не воспитывали дворцовые шлюхи!

— Послушайте, — прерываю её, запинаясь, чтобы сбить тихую, подлёдную истерику, — я поговорю с Его Величеством, вы сможете прислать своих людей, северян, которым

вы доверяете. Ведь мирный договор всё ещё в силе, он не откажет. Вы будете переписываться, а потом, посмотрим, быть может, ваше положение изменится, и вы сможете вернуться ко двору, как их мать.

Она заходится тихим смехом.

— Слышала бы сейчас моя мать всё это. Пустой трёп нищенки, дикарки. И кому она это говорит? Мне!

Я поднимаюсь бледнея. Разговора, видимо, не получится. Она права в своих словах, но они никуда не ведут, а просто так выслушивать упрёки не хочется, никому от этого лучше не станет.

— Как Элизабет? — бросает Флория, заметив моё состояние.

— Не знаю, но её в края бездушных забрал принц фей.

— Да поможет ей бог... — королева прикладывает обе ладони к ключицам, я киваю.

— Послушай, девочка, у Луи очень тяжёлый характер. Ты с этим не справишься.

— Я и не...

— Не перебивай меня! Сделаем так, я помогу тебе удержаться на троне. Будем держать связь. Переписываться. Я расскажу, как вести дела, чтобы тебе не опозориться. Как вести себя с Луи. Что он любит, что не любит. Про детей... Будешь писать мне, присматривать за ними. Ты ведь правда привязалась к Элизабет, так? Будешь им... м-мачехой. Пообещай мне.

Лицо её перекашивается, когда я отступаю, качая головой.

— Я не могу, я пришла, чтобы сказать, что не буду королевой... Это не то, чего я хочу.

— Глупости!

Флория надвигается на меня.

Я замечаю, что темница всё-таки сказала на ней куда больше, чем мне виделось, когда я только зашла. Она будто держала себя собранной, словно локоны волос, а теперь распустила.

В этот момент сверкает в моём разуме неуместная мысль: быть может, Филиппа привлекает холодность женщин, но как только они растаивают, как только принимаются лизать ему ноги, словно собаки, он вышвыривает их без сожалений, не чувствуя больше ничего, кроме брезгливости.

Если всё так, мне тоже есть, что ей рассказать о том, как вести себя с ним.

— Ты ведь такая хорошая девочка, — шепчет королева, — тебе не жалко моих детей? Ты выросла на моих глазах! Неблагодарная... тварь...

Она припирает меня к стене и хватает за горло.

— Пообещай, что будешь писать мне... Пообещай... Задыхаясь, я всё же нахожу силы, чтобы произнести:

— Пожалуйста, возьми-мите себя в руки. Королева... Вы будете жалеть об этом...

— Разве ты не понимаешь меня, как женщину? Правильно, я всё ещё твоя королева.

— Я... восхищалась... вами. Раньше. Но теперь... вы не та... королева, которой хочется... служить.

Она хватает меня за горло сильнее и ударяет затылком о стену. Я стану вырываться, если спустя несколько мгновений, она не осознает, что творит.

Из уважения хочу дать ей...Пять...Четыре...Три...Д... Меня опережает ворвавшийся в башню рыцарь. Он оттягивает Флорию на себя и наотмашь отвешивает ей пощёчину.

— Что вы себе позволяете?

Я даже вскрикнуть не могу от шока.

Рыцарь поднял руку на...Даже дракон для меня не был более шокирующим зрелищем.

— Я доложу об этом Его Величеству и вас повесят за нападение на королеву!

Её швыряют на каменный пол, словно служанку, у меня в горле застревает ком, я не могу сдвинуться с места, не могу ничего сказать.Как и я когда-то, Флория потеряла всё за один день. Никто больше не считает её королевой, но она продолжает цепляться за белый замок и Луи-Филиппа, как я цеплялась за седьмое королевство.

Рыцарь приобнимает меня за плечи и выводит на лестницу.

Дверь захлопывается.

— Пожалуйста, не говорите об этом королю... Она была не в себе, войдите в её положение. Я больше не подойду к ней. Пусть с богом возвращается домой.

— Ваша Светлость, вы так добры...

ГЛАВА 2. Нельзя спасти всех

ГЛАВА 2. Нельзя спасти всех

У одного из правителей седьмого королевства было странное увлечение, дошедшее до мании. Ему хотелось завести в короткий срок больше сотни отпрысков. То было в эпоху зенита. Каким-то непонятным уже историкам образом, король смог добиться разрешения на многожёнство. Это противоречит общему укладу, основанному на древней легенде о любви Красавицы и Чудовища. Но времена были смутные, такое бывает с любым народом — то, что ранее порицалось, на пике расцвета становилось нормой, а затем, разумеется, снова порицалось. Правитель, что запомнился людям густой, чёрной бородой и сальными, постоянно бегающими тёмными глазами, целыми днями развлекался с красавицами из своего гарема, часть из которых родом была из шестого королевства.

Король подавал плохой пример своим подданным, тучи над королевством сгущались, а наследников у него было так много, что пришлось для них отстроить отдельное крыло в огромном, нефритовом замке.

То, что произошло дальше, породило сагу о тёмных временах, написанную на моём родном языке несколько столетий назад в прекрасных, мелодичных стихах.

Нашла я её в книге, одолженной у Луи-Филиппа. И читала

с ужасом.

Кому только в голову пришли такие правила наследования престола? Зачем нам нужен был правитель-братоубийца? Я понимаю, что традиция пошла с древних времён, когда люди были совсем другие, но...

Если бы я узнала об этом в детстве, как бы относилась к своей родине?

Считала бы королевскую игру на смерть чем-то естественным, если бы не случилось войны?

Не знаю. И не уверена, что хочу знать.

Когда подошёл срок сменить правителя, прошло ровно двадцать семь лет со дня начала правления короля (именно столько сидел на троне Первый Король уже в браке с Люми-эрой), многим наследникам уже исполнилось шестнадцать, они считались взрослыми. Те, что были младше, впрочем, должны были участвовать тоже.

По правилам супруга короля должна была родить как минимум трёх детей, чтобы они могли бороться за престол и доказать подданным, что достойны стоять над ними. Стоило это делать каждый год, чтобы разница между детьми была невелика, и всё было честнее. Если же у королевы рождалась двойня или тройня — это считалось величайшим благословением богов. Нередко правители брали в жёны тех, у кого в роду были близнецы, надеясь поймать удачу за хвост.

Этим заветам, видимо, следовали и последние король с королевой седьмого королевства, потому как у Лунарда было

всего два брата, не слишком его старше.

Но вот чернобородый правитель прошлого загорелся идеей уйти красиво и устроить величайшее развлечение для своих подданных.

Он был зависим от праздного образа жизни, и это свело его с ума, в то же время сделав фантазию чересчур изощрённой. Сложно передать словами, какая атмосфера тогда царила в нефритовом замке, какой удушливой и беспросветной была жизнь его детей...

Хоть это и не описано в саге, я слишком чётко представляю, как тяжело им было общаться друг с другом, зная, чего от них в скором будущем потребует целое королевство.

Почему же не взбунтовались?

Ведь могло всё обернуться иначе...

Но — это была их жизнь, ничего другого они не знали.

В день игрищ огромная арена была переполнена и подсвечена магией, даже фэйри собрались в первых рядах, чтобы повеселиться.

Королевские отпрыски разбредались по разным сторонам, у каждого в руке было по клинку. Братья и сёстры должны были убивать друг друга на потеху толпы.

Правитель сидел в самом удобном месте, его окружали вымотанные, заплаканные женщины, горы мяса и бочки вина.

Его гарем продолжал приносить наследников, поэтому на арене были и младенцы, и малые дети разного возраста —

те, что не понимали, что происходит и плакали и те, что понимали и молчали, в ожидании своей участи.

Среди подростков были такие, кто точно знал, что клинок им не пригодится, но немало было юношей и девушек, которые хотели выжить и взойти на престол.

Зрелище назревало страшное, даже небеса буйствовали над всем седьмым королевством, будто бы в протест происходящему.

Во время противостояния наследников обрушился на землю кровавый дождь. Но никто не остановил детей, они продолжали перерезать друг другу глотки, пока в живых не осталось никого.

«А кто будет нашим новым королём?»

Толпа разрывалась, а чернобородый правитель... умер ещё до того, как дождь перестал.

И он не стал белой каменной статуей, как все прочие до него. Перед людьми предстал самый обыкновенный труп.

Боги проклинали его.

С этого дня закончилась смута, многожёнство отменили, старые традиции были установлены.

Люди нашли одного из младенцев живым, и короновали сразу же.

Ему было отведено шестнадцать лет взросления, повторная коронация, свадьба и ещё двадцать семь лет правления.

Традицию выбора правителя не отменили, наоборот, урезали свободу воли королей и сделали их держателями древ-

них законов и правил, образцами для народа без права на слабости.

Так прошло ещё несколько столетий, и на трон взошёл последний правитель, что был когда-то принцем... Эларисом.

Имя его забыли, как и положено.

Всё чаще звучали имена уже его сыновей — Фернанда, Радгарда и Лунарда.

Я захопываю книгу, пытаюсь уложить всё это в голове.

Зачем Лун взял себе имя отца?..

Меня тянет использовать браслет. Но смысла в этом мало — я увижу Луна, но не смогу ничего ему сказать, не смогу ни и о чём спросить.

А мне бы так хотелось понять, для чего нужна была ложь.

Так хотелось бы, чтобы его страдания прекратились.

Он торопился со всем покончить, чтобы не успеть потерять контроль... Что если пока я здесь переодеваюсь в дорогие наряды и любезничаю с королём, дракон окончательно потеряет разум? Как мне ему помочь?

Я вздрагиваю, когда в библиотеку заходит Луи-Филипп и отшивает придворных той же фразой, что и совсем недавно при схожих обстоятельствах. Дежавю оборачивается неприятной дрожью, но хотя бы ворон больше не долбит о стекло.

Король выглядит мрачным, в глазах нет и намёка на игривость.

— Мне хотелось бы пригласить тебя на ужин.

— С радостью, Ваше Величество, — отзываюсь, даже не задумываясь, не желая лишний раз его злить.

Я стою у окна с книжкой в руках. Внизу золотится осень, погода на редкость приятная, словно с отголоском сна, насланного Зарёй. Внизу снуёт прислуга и детвора, помогающая родителям. После прочитанного на детей смотреть жутковато. Выдохнув, пытаюсь отогнать от себя нежеланное чувство.

Филипп подходит ближе и обнимает меня со спины за талию.

— Пришло письмо от северян, они отправили свою делегацию и через несколько недель будут здесь. Но мой брак с Флорией уже считается расторгнутым. Через несколько дней мы сможем дать обеты друг другу. Я собираюсь устроить пышную церемонию. И бал по приезду гостей, приглашения разосланы во все королевства. Весь мир будет... завидовать мне.

Он словно ребёнок, мечтающий о несбыточном, а я — его мать, не желающая его огорчать. Только ещё и с опасением за собственную жизнь.

На мне нежно-розовое платье, на этот раз, не самое пышное. Рубиновые серьги и ожерелье. Тепло его тела приятно греет. Я вспоминаю сходящую с ума в замке Флорию и мрачною.

Филипп оставляет поцелуй в моих волосах, касается руки,

словно стремясь согреть пальцы.

Мне тяжело улавливать перемены его настроения, тяжело понимать, что творится у него в голове.

Будет ли кто-то любить его так же сильно, как бывшая жена?..

— Ты когда-нибудь... чувствовал к ней...

— Любовь? Можно и так сказать.

— И что произошло?

— Ты произошла. Я произошёл.

Усмехаюсь, вспоминая его бесконечные интрижки с самыми разными девушками, вплоть до жён друзей короны...

Отвечая мне так, чего хочет добиться?

Не может же сам верить в то, что говорит?

Конечно, спорить я ни за что не стану. Больше чем навраться на его гнев не хочется только без толку провести время в бесполезных пересудах.

— Давай больше не думать о ней? Всё в прошлом, важно лишь то, что происходит сейчас. Ты совсем скоро станешь моей королевой...

Он притягивает меня к себе ещё ближе, тяжело дышит, будто бы сдерживая себя.

— Ты всё ещё готов убить меня, если откажу?

Он замирает каменной статуей.

— Да. Я не отпущу тебя. Не позволю столь глупо ошибиться, выбирая развилку на дороге жизни. Я — всё что тебе нужно.

— Славно.

— Ты сама не видишь, как выглядишь со стороны, заигрываешь со мной... А сама просто глупая, маленькая девочка.

Я дёргаюсь, но Филипп не отпускает.

— Не нужно обижаться, я здесь не для того, чтобы унижать тебя. Ты ребёнок, сама не понимаешь, что происходит, я буду к тебе снисходительнее.

— С детьми не должно хотеться переспать...

— Ну, не до такой степени ребёнок, — усмехается он. — Тебя нужно направлять, вот и всё. Увидишь, через несколько лет будешь смеяться над собой и жалеть времени, что потеряла, ведь давно уже могла стать моей. Только представь, будешь сидеть в красивом платье в нашем саду, пить травяной чай с фрейлинами, наблюдать за тем, как нянечки гуляют с нашими детьми... Встречать меня вечером в сумерках с охоты... Разве не прекрасно?

Я лишь выдыхаю.

Луи-Филипп, возможно, принимает это за согласие, потому как целует меня в волосы ещё раз, берёт за руку и мягко выводит из библиотеки.

— Куда мы идём?

— Хочу кое с кем тебя познакомить.

— Интересно...

Я с нескрываемым любопытством и удивлением озираюсь по сторонам, потому как никогда не была в этой части замка.

Помпезность здесь немного приглушена, уюта чуть больше и откуда-то доносятся звонкие детские голоса.

Король открывает позолоченную дверь и выпускает меня в просторный, светлый зал с огромным бардовым ковром и медвежьими шкурами на полу. Всё здесь мягкое — кресло, подушки, даже столики оббиты какой-то тканью.

Несколько женщин приглядывают за троицей детей.

Никогда не видела принцев и принцессу, и они... очаровательны.

Девочка лет семи в персиковом платье расчёсывает длинные волосы одной и нянек, они, видимо, играют в какую-то игру.

У неё голубые глазки и светлые косицы. Губы бантиком, щёчки розовые... Тот редкий удачный случай, когда ребёнок взял всё самое лучшее от обоих родителей.

Мальчишки тоже хороши, старшему на вид лет десять, младшему чуть меньше.

«Я буду пиратом!» — тает его фраза, когда Филипп останавливается рядом.

— Отец, — опускает он глаза.

Король садится на пол, протягивает руку и приглаживает его волосы.

— Мои дорогие, хочу познакомить вас с Варечкой, теперь она будет... с вами дружить.

Я умилённо киваю.

— Здравствуйте.

— Ну же, представьтесь.

— Моё имя Агелетта, — отзывается серьёзно принцесса, выставив подбородок вперёд.

— Мартин, — говорит младший мальчик, что собирался стать пиратом.

— Перед тобой, — с шаловливой усмешкой начинает другой, слегка подрагивающим голосом, — будущий король... в-всего! Даян!

— Это большая честь для меня, — прикладываю ладонь к груди и кланяюсь в реверансе.

Луи-Филипп бархатно смеётся.

Я перевожу на него внимательный взгляд.

Никогда не доводилось видеть его таким.

Он действительно решил меня ввести в свою семью, а не просто прикрыть статусом жены...

Сердце замирает.

На моей родине с такими детьми не разговаривали, старались к ним не привязываться, здесь же...

Они получают любовь отца.

Это заметно невооружённым взглядом.

— Вы такая красивая... — подходит ко мне Агелетта. — Можно... потрогать ваши волосы?

— Конечно.

Я сажусь рядом с Филиппом на ковёр и позволяю принцессе запустить пальчики в свои льняные локоны. Король касается моей руки, чуть сжимает пальцы. А затем и вовсе при-

тягивает меня к себе за талию. Служанки и нянечки стараются не смотреть в нашу сторону, я сама краснею, ведь, насколько мне известно, даже супругам не слишком прилично проявлять нежность на виду у придворных. А тут ещё и дети...

О чём они думают?

Что им сказали про мать?

Я не замечаю налёта грусти или какой-то враждебности к себе.

Как будто ничего удивительного не происходит.

Быть может, просто не понимают.

— У Вари есть книга сказок, она на другом языке, но, может, получится перевести что-нибудь для вас?

Вопрос с подвохом?

Выгибаю бровь. Провожу пальцем по корешку. Не назвала бы истории здесь сказками, но...

Парочка красивых и не жестоких там всё же найдётся.

Одно меня тревожит — в шестом королевстве запрещено говорить о магии, чтобы не накликать беду. Но в то же время сам правитель просит меня вливать рассказы о фэйри и дарах богов в уши юным принцам и принцессе.

— Хорошо.

В такой непринуждённой обстановке мы проводим несколько часов. Я перевожу сказки, пропуская некоторые моменты, Филипп пересказывает местные легенды, мы пьём яблочный сок, и в тот момент, когда я уже забываю, что на-

хожусь в компании особ голубых кровей, нам объявляют о том, что ужин готов.

Первая часть проходит спокойно в компании Агелетты, Мартина и Даяна. Но детям есть много не положено, поэтому они покидают нас. Такие маленькие, милые, но серьёзные.

Я, игнорируя говядину, ем овощное пюре, запивая его красным вином, от которого мгновенно начинает покружиться голова и алеют скулы.

Филипп, будто замороженный, рассматривает меня.

— Ты им понравилась, — выдыхает он.

Я киваю, накалывая ломтик огурца на вилку.

— У тебя есть все шансы стать прекрасной матерью для них.

Выгибаю бровь.

— Действительно?

— Да, я ведь вижу.

— Я к тому, что удивлена, что тебя это волнует. Ты предложил мне стать королевой до того, как проверил, хорошая ли из меня мать.

Он усмехается.

— Честно говоря, даже не планировал знакомить тебя с ними, но... Мне вдруг подумалось... Благодаря детям ты могла бы узнать меня лучше. И, может быть, довериться.

— Что насчёт Флории?

— Опять ты за своё?

— Нет, просто... Пойми меня правильно, это дети, и они

в этом возрасте трудно переживают потерю одного из родителей. А мне не хотелось бы это усугублять.

Он качает головой.

— Они не были привязаны к ней, Флория... она скорее была им воспитательницей, у неё не получалось совмещать роль матери и королевы. И, как ни странно, ни в одном, ни в другом качестве... никто не будет по ней скучать.

Я передёргиваюсь. Жутко представлять себя на её месте. И глупо не представлять.

Не знаю, кто бы после такого согласился стать его женой, если бы был выбор.

— Останешься у меня на ночь? — предлагает вдруг Луи-Филипп, и я роняю вилку.

Бокал вина был лишним.

— Весьма... неприличное предложение, ведь мы ещё не женаты.

— Я не стану приставать к тебе, — он улыбается, — если не захочешь.

— Тогда зачем?

— Я... скучаю.

Он поднимается, подходит ко мне, запускает пальцы в волосы, ведёт рукой ниже, ослабляет завязь корсета...

Я выдыхаю, выходит едва ли не стон.

— Что... Что вы делаете?..

— Хочу, чтобы ты расслабилась.

— Это звучит странно после заявления, что вы не соби-

раетесь ко мне приставать.

— Хочу, чтобы ты мне доверилась.

Я собираюсь отказать, но Луи-Филипп стискивает пальцы на моём плече, давая понять, что ожидает лишь один ответ.

Как такие ангелы могли родиться от этого дьявола?

Он заводит меня в свою спальню с великанской кроватью, толкает к ней, опрокидывает на спину, нависает сверху, ухмыляется, переменчивые глаза блестят.

— Страшно?

Я лишь судорожно сглатываю.

— Это приятнее, чем кажется.

В ответ на мою закономерную гримасу, Филипп усмехается, склоняется ниже и целует в лоб.

— Нет у тебя ко мне никакого доверия, девочка!

Он отстраняется и отходит к столу, чтобы зажечь свечи.

Я приподнимаюсь, наблюдая за ним и рассматривая убранство королевских покоев.

— Мне кажется, Ваше Величество, такими темпами я совершенно сойду с ума.

— И чем скорее это произойдёт, тем лучше, — садится он на стол. — Поверь, жить будет гораздо легче и веселее. Ты слишком замороченная.

Что же... отличная рекомендация: если не можешь что-то поменять, поменяй к этому отношение.

Просто полюби меня, так будет... приятнее.

Нас прерывает стук в дверь. С позволения короля в ком-

нату заходит служанка, она оставляет на тумбе ночное платье.

— Что это значит?

— Не будешь же ты ночевать в этом... — поднимается Филипп и выходит на балкон. — Переодевайся.

Хоть оно и до пола, я едва не задыхаюсь от стыда. Атмосфера здесь совершенно не та, чтобы позволять себе находиться рядом с Его Величеством в таком виде. Я чувствую сильный позыв сбежать. Хотя и понимаю, что любой из рыцарей остановит меня на первом же повороте. А как-то маскироваться нет ни времени, ни возможностей. И даже если мне удастся улизнуть из замка, каким-то образом найти возможность доехать до Города Мёртвых и не встретить помех на своём пути, прольётся кровь невинных, а за мою голову король назначит круглую сумму.

Бессмысленно. Бесполезно. Мой дракон там мучается, а я здесь...

— Ты закончила?

— Н-нет...

— Тебе помочь?

— Н-нет...

К чёрту. Даже думать о том, чтобы как-то выручать-прятать фрейлин — бессмысленно, проблему это не решит.

Выход есть только один — вернуться к истокам...

Я мрачнею, думая об этом, скидывая платье и надевая ночнушку. Когда заканчиваю, вздрагиваю от взгляда короля,

что стоит рядом.

— Ты так красива, — шепчет он, будто задумчиво. — Впрочем, я уже почти не думаю об этом.

Он садится на кровать, устраивает меня на своих коленях, зарывается лицом в волосы...

— Пожалуйста... — шепчет.

Стискиваю зубы, не отвечаю. В горле будто колотится сердце. Безумие растекается по полу, тянется вверх, касается пальцев моих ног, ползёт выше... Вся комната выпачкана в нём.

— Будь моим светом. Забудь о прошлой жизни, забудь даже о жизни здесь... Начнём всё с чистого листа.

— Филипп, я...

Он... всхлипывает. И меня будто прошивает стрелой. Запускаю пальцы в его волосы, заглядываю в глаза... Они влажные.

— Не можешь?

— Нет.

Он усмехается, взгляд мрачнеет.

— Хуже всего, что ты так близко. И не моя.

Как описать моё недоумение?

Его руки блуждают во льняных прядях, я не чувствую ничего, кроме собственной дрожи. С балкона приоткрытого доносится прохладный, осенний воздух. Объятия короля горячи. Вдрагиваю от взмаха крыльев и усмехаюсь прилетевшей к нам горлице. Она наблюдает, склонив голову набок. Отче-

го-то во мне нет сомнений, что это Заря. Уметь бы так же, обернуться маленькой птичкой да улететь...

Вот только маленькая птичка не сможет приструнить короля.

А как иначе выбраться?

Сделать бы так, чтобы он забыл обо мне, об обещании убить фрейлин... Тогда я бы ни на минуту не оставалась здесь.

— Меня тяготит дворец... — выдыхаю я, когда горлица улетает. — Я бы согласилась остаться с тобой, если бы мы уехали.

Он выгибает бровь и смеётся.

— Хочешь, чтобы я оставил трон ради тебя?

Неа, удачу пытаю.

— Зачем тебе власть? Я этого никогда не пойму.

— Я же говорил, что ты совсем у меня глупышка... — усмехается король, опрокидывая меня на спину и нависая сверху. Жадно рассматривая.

— Твоё отношение изменилось... ко многому... Почему?

Он оставляет болезненный поцелуй на моей шее.

— Я вспомнил тебя. И то, сколько сделал ради тебя. Разве думаешь, что попала в мой замок случайно? Это судьба.

Ясно. Старик окончательно спятил.

Он качает головой, заметив недоверие в моём взгляде.

— Тогда была такая же ночь, как сейчас... Много-много лет назад. Я надеялся, что ты вспомнишь о своём муже.

Отпускает меня и отходит к тумбе, чтобы налить себе очередной дурманыщий напиток. Мне это не нравится.

Интересно, если я брошусь в коридор, меня швырнут в покои короля, или всё-таки отведут в свои?

Никакого мужа у меня никогда не было.

О какой ночи речь?

— Я был королём другой земли и собирался напасть на те, что сейчас принадлежат мне. Иронично, не правда ли? — опрокидывается в себя бренди. — Ты забралась в моей шатёр и пыталась соблазнить... Так хороша была в тот момент, что даже понимая уловку, я не смог устоять.

— Это ведь... Легенда о Первом Короле и Люмиэре... Это было так давно, что небо уже не помнит!

— И всё же это были ты и я.

Сердце колет, на мгновение я слышу будто щебет тысячи птиц, они пытаются что-то сказать, я не понимаю, всё исчезает.

— Я вспомнил многое. В том числе и то, что касается магии... С помощью... Даймона я завоюю все пять королевств, присоединив их к шестому. А седьмое, по старой памяти, так и быть, пусть остаётся ему.

Я вцепляюсь в одеяло и мотаю головой. Ужасная война назревает — чего ради?

— Зачем?..

— Опустив другие причины, которые ты раскритикуешь... Подумай о том, что одна большая война исключит

множество мелких в будущем, земли будут едины, а все счастливы.

— Это бессмыслица... Никто не сможет управлять столь обширным государством! Да и к тому же... Ты не доживёшь до того, как закончишь войну.

— С магией дело пойдёт быстрее.

— И... Даймон согласен на это?

— Разве сама ты не ненавидела мои земли? Разве есть дело нелюдям до того, что творится за их границами?

— Мне никогда не хотелось отомстить простым людям. Я слишком хорошо знаю, что это такое.

— Я слишком многое отдал тебе в прошлой жизни. Оставил свои планы и долголетие. Быть может, и тебе пора чем-то жертвовать?

Король разбивает графин, я вздрагиваю. И каменею, когда он наваливается на меня, надавливает пальцами на подбородок, цокает, будто в досаде, что до сих пор не треснула кость.

— Как много ты вспомнил?

— Достаточно...

— За все эти жертвы, ты ведь... ненавидишь меня и хочешь отыграться. Это не любовь.

Луи-Филипп усмехается и разрывает мою ночнушку на груди. Ночь, его покои, навязчивые идеи, алкоголь... В его глазах столько злого веселья... Я дёргаюсь изо всех сил, потому что понимаю, что ни слёзы, ни уговоры, ни бездействие — ничто его больше не отрезвит.

— Тогда ты была старше... — выдыхает он. — У нас будет настоящая брачная ночь. С неё начнётся твоя взрослая жизнь.

Он отстраняется, я вскакиваю с кровати, прикрыв ладонью оголённое место.

Отсмеявшись, Луи-Филипп продолжает:

— Я хотел заснуть с тобой, но... Позови сюда кого-нибудь из фрейлин, что будут в твоей комнате. Посимпатичнее.

Я обращаю к нему неверящий взгляд поблескивающих глаз.

— Иди уже.

— Вы ведь не... не заставите?..

— А мне нужно заставлять? Любая хотела бы быть на твоём месте.

— И любая, видимо, будет, — бросаю я, выскакивая за дверь.

Рыцарь проводит меня молча, выгляжу я чертовски непристойно, но все мысли о другом. Когда захожу в комнату, выдыхаю не глядя на девушек:

— Если кто-то из вас уже спал с королём и не против повторить. Или только хочет. Идите. Рыцарь проводит вас к покоям Его Величества.

Выходят сразу две.

Я молча принимаюсь готовиться ко сну.

Но сон не приходит, голова горит лихорадкой призрач-

ных, мнимых воспоминаний, просветы которых стали появляться ещё в чёрном замке. Рядом с Луном. Мы были связаны. Знакомы.

Но дело не в мимолётной встрече, не в смазанном спасении пять лет назад. Я мало что помню из разговора с ним той ночью. Не помню лица, каким оно было когда-то. И пусть думала о нём все года в шестом королевстве, почти что отрёклась из-за дракона.

Но если дело не в детской влюблённости, то в чём?..

Впервые сила поддалась мне из-за какого-то воспоминания. Странного ощущения.

Я пытаюсь вернуть то, что ощущала тогда у костра после встречи с Нокс, когда мне до истерики было жаль дракона.

Цепляюсь за это, ворочаясь в кровати, уткнувшись в подушку.

Всхлипывая. Тревожа бедных фрейлин, которые не смеют ко мне подходить, полагая, очевидно, что я с ума схожу от ревности.

Удобно, очень удобно...

— Люмиэра... Моя Люмиэра... — шепчет мужчина в мои волосы, пока я сама задыхаюсь от... любви в его объятьях.

Всё видится мне одновременно реальным и смутным. Сердце полно тревоги. Знаю, что муж вскоре вернётся с охоты, в воздухе витает едва уловимый запах крови. Что-то плохое произойдёт, я всего лишь человеческая девушка в коро-

левстве теней, но предчувствие иногда точнее магии.

— Мы должны прекратить... — отстраняюсь я от мужчины, по щекам текут горячие слёзы. — Я поклялась быть с ним, от этого столько зависит... Мы не можем... рисковать.

— Я был на войне, — выдыхает он черноволосый, сероглазый, не красивый, но единственный, кого я люблю, — ты хотела её прекратить, ради нашего народа, ради меня. И пошла к нему. Он потерял голову, сделал то, что сделал. Теперь мы можем сбежать. Вместе.

— Ты не знаешь его... Гнев будет страшен, он найдёт способ отомстить нам всем, небо обрушится и изойдёт кровью, мы будем прокляты всеми богами...

Я стараюсь держаться и не рыдать в голос.

Слишком больно прощаться.

Подхожу к зеркалу, оглядываю нас и красную луну в окошке через стекло. У меня длинные золотые волосы, глаза фиалкового оттенка, правильные черты лица. Красивая, но видела и краше. Молва, всё же, немного преувеличена.

И всё же Первый Король потерял голову...

— Я думала, что ты мёртв... — холодными пальцами мну ткань платья, задыхаясь от тоски.

— Знаю.

— Для меня сказать «да» ему — всё равно что Смерти... Я бы не смогла жить без тебя, просто не смогла бы... Я люблю тебя.

Он подходит, кожу бороздят свежие шрамы, обнимает ме-

ня со спины, прижимает к своей горячей груди, целует в плечо.

— Он сказал, что оставит все планы ради меня. Моя жизнь — такая мелочь... Как могла я не согласиться?

— Я убью его.

— Нет, пожалуйста, я не вынесу этого. Боги не оставят нас в покое, я себе не прощу столь далеко зашедший обман. Хватит и того, что моё сердце никогда не будет принадлежать ему.

— Хочешь, чтобы я отпустил тебя? — шепчет он.

— Не могу больше жить во лжи и страхе, что тебя убьют. Я сделаю всё, чтобы ты жил без забот, но лучше бы мне не видеть тебя, не подходить близко, иначе я... Любовь моя, мы больше не увидимся.

Он целует меня в волосы и кивает.

— Я клялся быть верным тебе, как своей Госпоже, твой пёс разве может жить сам по себе?

— Но...

— Ты выбрала быть верной себе и своему слову, смогла принять тяжёлое решение. А я выбираю тебя. Единственное, между нами всё ещё стоит — тёмная магия, я исправлю это. Тебе не о чем волноваться. Моя радость, моя любовь, моя... богиня. Я ничего не испорчу. И если смог выжить на войне благодаря твоему образу, что вытащил меня, что следовал неотступно, смогу жить дальше, питаюсь лишь твоим видом и служа свою псовую службу до конца.

Я не успеваю возразить, он оборачивается волком и выпрыгивает в окно.

Я выплакала все глаза, пока с охоты поздней ночью не вернулся король. Ему донесли, дескать, я изменяю, неверна ему и мужчину прячу в своих покоях. Обыскали замок, никого не нашли. Даже одежда пропала. Тех, кто наклеветал на меня, Его Величество обезглавил лично. Это я убила их. А от того вскоре и сама слегла. Если бы знала, что стало с моим любимым, желала бы смерти себе...

Но мне нужно было ещё хоть раз его увидеть да понять слова.

— Как же ты разволновалась... Простишь меня? Все самоцветы моих земель будут твои, весь мир рухнет к твоим ногам и всех, кто скажет что-то против, я казню... Любимая, слышишь?..

— У меня было дурное предчувствие, будто на охоте с тобой что-то стряслось...

— Мы будем жить вместе много лет и умрём в один день, а после смерти встретимся. Я не оставлю тебя никогда, моя Люмиэра... Никогда.

Ему нужно было избавиться от пут магии, аннулировать все сделки, чтобы принадлежать лишь своей Люмиэре, пусть она и не могла в ответ принадлежать ему.

Он недалеко зашёл в своём учении до знакомства с ней. Главное, что может — оборачиваться в чёрного косматого

волка.

Справедливо, если в этом будет его наказание.

Обряд проводится в полную луну, демоны пьют кровь из ран, убирают с кожи свои печатки, метки и татуировки, и оставляют лежать на пепле живого и измученного ритуалом... волка.

Навсегда волка.

Помнящего лишь свою госпожу.

Поутру я выхожу в сад под руку с королём, мне лучше, хочется немного пройтись и вдохнуть морозной свежести. Он шепчет мне что-то игривое на ухо, я глушу в себе съедающую изнутри тоску.

Из кустов к нам выходит израненный волк. Он утыкается мордой мне в платье.

Я останавливаю короля от убийства, плетя ему какие-то небылицы, лишь бы не догадался, в чём истинная причина моих слёз.

Мой верный, мой любимый...

Он принял мой выбор и сделал свой.

Теперь мы навсегда вместе.

Он спит в моих покоях на полу, ест объедки в столовой, когда мы трапезничаем с королём, охраняет меня на прогулках и вылазках.

Муж признался потом, что проверял, не маг ли это под волчьей шкурой, но оказалось, что нет.

Он всего лишь волшебное животное для королевы волшебной страны. Чужой, нелюбимой, дикой.

— Это боги послали его тебе в знак благословения. Земли седьмого королевства приняли тебя, и я в очередной раз убеждаюсь, что сделал правильный выбор. Моя Люмиэра...

— У меня есть ещё одна новость, что должна обрадовать тебя...

Я улыбалась, но сердце было разбито.

Просыпаюсь, словно от кошмара.

За одну ночь я прожила чужую жизнь. Несчастливую, горькую, но пронёсшую до самого конца светлую, болезненную любовь.

Действительно, на некоторых рисунках Люмиэру изображают с волком или собакой. Я никогда не придавала этому значения, ведь и остальных королев писали так же.

Видимо, в подражание жене Первого Короля.

Сердце стынет от осознания, что и в этой жизни надо мной нависла подобная судьба. Стать женой человека, что никогда не будет любим. Терпеть ради других. Мучиться от чувств к тому, с кем невозможно быть...

— Нет, нет, пожалуйста, — уговариваю будто саму себя.

— Ваша Светлость, вы проснулись? Король спрашивает, готовы ли вы к сегодняшней тренировке?

— Пожалуй, пропущу...

Непозволительная трусость, но как же я не хочу его ви-

деть.

Впрочем, через несколько часов Луи-Филипп настигает меня в одной из комнат замка. Я сосредоточена на рассмотрении кружащих в вихрах ветра золотых листьях, и лишь изредка поддакиваю фрейлинам, которые обсуждают предстоящий бал.

То, что я думаю о сохранности их жизней, лишает меня сил волноваться за их досуг.

— Дорогая моя, — Филипп пихает мне в лицо огромный букет красных роз, — лишь чудом удалось вырастить их в этом году. Но с твоей красотой все цветы мира не сравнятся.

Странный спектакль после вчерашнего унижения.

— Благодарю, Ваше Величество, вы так добры...

Я оставляю розы на подоконнике. Они тяжёлые.

Он улыбается обаятельно и протягивает мне ещё и бархатный футляр в открытом виде. На шёлке красуется серебряная цепочка с рдяными драгоценными камнями.

— Позволишь мне надеть?

Усмехаюсь:

— Конечно, но к вашим глазам подошли бы более спокойные оттенки.

Он качает головой и защёлкивает цепочку сзади у моей шеи.

Со стороны фрейлин слышу сдавленный восторженный вздох, и вдруг чувствую такое яркое желание остаться одной и плакать, плакать, плакать.

Дурацкий спектакль.

— Я пригласил на обед Рафаэля, он... знаток в веселье. Поешь с нами?

— Конечно, Ваше Величество.

Ещё до того, как мы выходим в коридор, я начинаю чувствовать себя гораздо лучше, чем ещё минуту назад.

Прекрасно.

Сегодня чудесный день.

Рафаэль — знакомое имя.

Впрочем, неважно.

За столом сидят два мужчины и одна дамочка.

Она — это я.

Хотя издалека можно было бы решить, что Рафаэль, ибо он облачён в длинное чёрное платье из странной, поблёскивающий будто росинками ткани. Оно скроено так, как во всех семи королевствах не шьют. Причудливое, слишком закрытое, но притом не пышное. Можно было бы принять за странноватый мужской халат, если бы не высокий белый воротник гармошкой. Волосы его чёрные прилизаны так, что наглухо облепляют череп. К скулам прилипли блестящие завитки локонов, на лице помимо них нет никакой растительности. Кожа бледная, почти что серая. Это куда заметнее, чем было у того же Лунарда. Общее впечатление демоническое.

И это ещё я в расчёт не взяла его огромные, синие глаза.

— Да, вы правильно подметили, Варенька, — усмехается Рафаэль. — А что же вы, видели мою матушку?

— Да, — улыбаюсь я. — Там вышла довольно неловкая история.

Мужчина — слишком высокий, слишком гибкий, но при том мускулистый — смеётся и пододвигает к себе ближе бутылку вина и бокал.

— Она своеобразная женщина, поэтому я и не хожу к ней... Нет ничего унылее в жизни, чем одинокая, брошенная женщина. Хорошо, что ты ушла от неё.

Вспоминаю, как гелида выклёвывала Нокс глаза и киваю...

Да, с этим сложно не согласиться.

— Я люблю жизнь, даже в опале она была прекрасна, а сейчас, когда Луи смилостивился над бедными тварями и во все. Выпьем же за это!

— Смилостивился? — перевожу взгляд на короля. — Я ничего об этом не знаю.

— Моим упущением было уничтожить всех без разбора, некоторые вполне могут быть полезны короне. Пока тебя не было, многое изменилось. Мне нужен был новый человек, что будет ответственен за праздники.

— Хочешь, чтобы нашу свадьбу организовал первый вампир?

— О, я обещаю никого не обращать. Хотя, если тебе не нравятся какие-то девицы... — он весело подмигивает, от-

пивает багрового вина, от которого на бледных губах остаётся след.

— С такими замашками мне уже Циркона хватило...

— А, этот, — кивает Рафаэль, — помню его ещё мальчиком, славный малый... Интересно, что с ним стало... Он ведь служил королевской семье... Ну, у седьмых-то.

Служил Эларису? И, видно, узнал Лунарда?

Тогда к чему был весь тот спектакль на балу?

Луи-Филипп разрезает мясо, из смачного куса вытекает кровь.

— Давайте ближе к празднику. Варя, у тебя есть пожелания?

Мотаю головой.

— У Рафаэля отличный вкус, по всему видно.

— Я тоже так думаю. Хочется свежего взгляда, — ухмыляется Филипп.

Я бы предложила ему жениться на вампире, это уж точно будет «свежо»...

Хотя, учитывая, сколько Рафаэлю лет...

— Но я не буду давать вам клятву верности, при всём уважении, ведь я не человек... Я не знаю даже, что это! — заявляет он со смешком.

— Но чем ты живёшь?

— Хочешь сказать — как?

Киваю. Да. Это интересно.

— Мне нравится музыка, некоторые барды очень талант-

ливы. Особое удовольствие — заслушиваться хорошими стихами. Вкусная еда, вино, приятная компания... Ничего особенного. Тут главное не напрягаться, некуда торопиться, кое-какие года можно и вовсе проспять и не ругать себя за это. А какой вред? Иногда полезно и как люди себя развлекают посмотреть. Некоторые иногда весьма забавные вещи придумывают, но это уже разговор не для стола...

Я чувствую, как краснеют кончики ушей и перевожу тему в более нейтральное русло.

— Вы, значит, не только пьёте кровь?

— Так я ж не вампир, а сын богини. Проклятое дитя. Отец вампиров. Туго нынче с классификацией, милая. Могу пить кровь, но и люди могут. Это ведь всё — дело вкуса.

Только сейчас замечаю, как весело сверкают глаза Филиппа.

Для чего он всё-таки привёл сюда Рафаэля?

Посмеяться?

Будто уловив моё недоумение, король склоняется к моему уху и шепчет:

«Подумал, может, клоун поднимет тебе настроение?»

Да, ведь он же совсем не опасен. Душенька, ищущая, как бы позаковыристее развлечься.

Что за привычка тащить в дом нечисть?!

Правда, всё становится в разы яснее, когда в столовую заходит разодетый в бархат Даймон. Кланяется нам с ухмылкой. Подходит к Рафаэлю и кладёт руку на его плечо:

— Старый друг, и ты здесь?

Я отчего-то при взгляде на них вспоминаю, как пахнет один из специальных растворов в похоронном бюро.

Глаза Рафаэля отчего-то мрачнеют.

— Верь мне, и я помогу тебе, ведь, мы преследуем одни и те же цели, — его голос звенит железными змеями, что барахтаются в перевёрнутом колоколе.

Мы одни в огромной позолоченной зале, Даймон не сводит с меня горящего взгляда, я остро усмехаюсь. Не знаю, как мне на это хватает сил.

— Не хочу ничего слышать, пока не узнаю, что с Лунардом, ты ведь... его брат? Зачем было зваться чужим именем? О каком доверии может идти речь?

Как я ждала этого разговора, но эмоции будто приглушены, а в голове лишь мысли о Филиппе. Что это со мной?

Я хватаюсь за цепочку, осознание простреливает мгновенно. Пытаюсь снять, ничего не выходит, чувствую вспышку злости и как в одно мгновение становится легче дышать. Касаюсь серебра светлой силой, цепочка оборачивается змеей и валится на пол.

— Молодец, — усмехается Даймон.

— Что это значит?

— Король совершенно отчаялся и попросил меня о чём-нибудь, чтобы присмирить твой нрав. Я сделал. Но ты легко справилась с внушением. Я этому рад.

Задыхаюсь от возмущения.

— И ты мне это говоришь?

— Да. Ты должна держать себя в форме, и обыкновенные тренировки или залечивание ран для этого уже не годятся.

Глаза его переливаются мёдом и расплавленным янтарём.

— Лунард, — напоминаю я.

— Нет, я не Лунард.

Я стискиваю зубы, он всё же решает объяснить, зачем пришёл по-человечески:

— Радгард, его старший брат. Можешь не кланяться, всё в порядке. Я тебе так скажу, он дорог мне. Я пытался спасти его от смерти, но мир магии дал трещину. В подробности тебя посвящать муторно, да и смысла не вижу. И отдача вся пала на меня. Луну до сих пор нужна помощь, и пока я держу его взаперти, сдерживая и его безумие, чтобы он не навредил себе.

— Но... ты не возражал, когда я собиралась убить его!

— Знал, что ты не сможешь. Тянул время, и у этого была причина. Я... приглядывал за вами обоими.

И как это понимать?..

— Я хочу увидеть его, поговорить... Пожалуйста.

Даймон качает головой и усмехается.

— Сначала ты разовьёшь свою силу и поучаствуешь со мной в одном обряде. Я не собираюсь терять время, а это может помочь Луну.

У меня нет слов, всё, что он говорит, не укладывается в

голове.

— Я знаю, — будто читает мои мысли, — всё это кажется тебе странным, но магия лучше всего раскрывается, когда действительно нужна. Если бы ты не призвала гелиду вовремя, Нокс бы убила тебя, а Лун не успел ничего сделать. Если я отвезу тебя к нему, это может убить его. Слишком большие риски. Счастье голубков особо не закаляет.

Я помню и другое — сила подчинилась мне, когда в груди бился не страх, но жалость и любовь.

— У меня получится. Я сделаю всё, что нужно, дай мне поговорить с ним.

— Я всё сказал. У тебя есть несколько дней на то, чтобы... наладить контакт. Знаю, что с демонами всё проще, но у тебя получится.

— Я даже не понимаю, о чём ты... И потом... король. Мне обязательно быть здесь?

— Уходи, если хочешь.

— Он грозитя убить других девушек.

— Ну и что? Твои страдания — почва для силы.

— А если я откажусь? Зачем мне пытаться? Зачем тебе верить?

— Оу, ну что же... — Радгард... при всей его мрачности... показывает мне язык. — Лунард умрёт. Я тебе ни слова не скажу. Ты ведь не обязана. Станешь королевой. Или сбежишь и убьёшь этим девушек. Или сбежишь, убив короля.

— Ты разве не говорил, что я нужна тебе, чтобы восста-

новить седьмое королевство?

— И это тоже, милочка. Но я не Лун, и даже не Луи-Филипп. Учить тебя я не буду. Мне скучно. Если подписываешься на такое, привыкай к сложным выборам и к пути с закрытыми глазами. Чего стоит твоя любовь, если ты ставишь мне условия вместо того, чтобы уточнять, как тебе лучше тренироваться?

Хочется вlepить ему пощёчину, да не успеваю.

Рафаэль бесшумно подкрадывается сзади, сворачивает ему шею и отрывает голову.

Тело Радгарда, старшего принца седьмого королевства, рассыпается в прах.

— Он ужасно нудный, — тянет Рафаэль, — замороченный. Мне надоело. Передай королю, что я обдумаю его предложение насчёт бала. Наверное.

И невампир вальяжно выходит в окно.

ГЛАВА без номера, или Интерлюдия первая: Радгард

ГЛАВА без номера, или Интерлюдия первая: Радгард

До Великой Игры ещё есть время, король может наслаждаться последними годами своего правления. Всё спокойно, но придворные то здесь, то там шушукаются о разлитой в воздухе тревоге. У магического равновесия, установленного Первым Королём, будто выходит срок.

Радгард считает это своим делом, потому что собирается править седьмым королевством после отца.

Единственные уместные в этом случае мысли о братьях — это обдумывание способов убийства и стратегии ведения боя.

Впрочем, зачем допускать открытое противостояние? Потеха народа — последнее, что волнует Радгарда. Он превосходит в драке и владении магией, но это не лишает братьев доли удачи. В Великой Игре нет никакой логики или справедливости, хотя...

Говорят, сами зачарованные земли выбирают себе правителя из наследников и помогают ему в бою. Когда-то смысл был в этом. Но Радгарду плевать. Он будет жить и будет править страной, потому что считает, что достоин этого. А кому ещё знать это лучше, кто кроме него может об этом судить?

И если Фернанд или Лунард считают так же — их ждёт разочарование.

Радгард подбрасывает клинок в руке и замирает, когда видит, как король с королевой расхаживают по саду между цветущих вишен. На правителе чёрная мантия, платиновые волосы зачёсаны назад, цвет глаз не разглядеть... Она в длинном зелёном платье, подол которого волочится по траве. Медные локоны распущены, голос доносится до Радгарда мелодичным перезвоном. Сердце замирает. Так близко когда он видел родителей в последний раз? Несколько лет назад, когда был ребёнком? Так... давно.

Они оказались в одно время здесь из-за упущения слуги, который будет жестоко наказан.

Король с королевой останавливаются. Она, держась за его локоть, поворачивает голову к Радгарду и смотрит неотрывно. У неё глаза, что расплавленный янтарь, смешанный с терпким горчичным мёдом. Такие же, как его собственные.
— Мама.

Она бледнеет, может быть, ему хочется так думать.
Всего лишь одно мгновение.

Король тянет Антарию за собой, она опускает голову.

Радгард стискивает зубы, делает шаг вперёд, ему хочется замаячить прямо перед ними, заглянуть в их лица, расхохотаться, выпить холодного страха, ведь он — их приближающаяся смерть.

Их сын.

Дали ли матери держать его на руках, когда он родился?
Кормила ли она сыновей грудью?

Сомнительно.

Дело Антарии — родить не меньше трёх раз, после чего можно сделать вид, что никаких детей не существует.

Это неправильно... Хочется закричать. Ударить хлёстким голосом. Посмотреть на реакцию. Интересно, что в голове у короля? Нравятся ли ему законы седьмого королевства? Никто никогда не узнает.

Радгард сглатывает, чувствуя, как холодные пальцы касаются шеи... Циркон?

— Не стоит, — тянет Рафаэль мурчащим тоном, — кто пустил тебя сюда в такой час? Милый, милый мальчик...

Он оставляет поцелуй в каштановых волосах принца.

— Идём, выпьем вина...

— Что ты здесь делаешь?

— Проезжал мимо. Как твои братья? В их лица ты тоже порываешься заглянуть?

— Это не запрещено.

— Но и не принято.

Рафаэль притягивает его к себе. Из троих братьев Радгард — его любимец. Но он не похож на будущего короля. Со всем скоро он умрёт. И у полубога больше не будет поводов посещать нефритовый замок, как и всё седьмое королевство. Воздух здесь пропитан определённой, промыслами божеств... Это невесело.

Рафаэлю куда приятнее жить среди людей.

— Не смотри на меня так, — бросает Радгард, когда они заходят в замок.

— Как?

— С жалостью.

Розовые лепестки кружит прохладный ветер за каменными стенами. Магия изживает себя, истончается. Радгард полон решимости обмануть судьбу, спутав карты. Рафаэль наслаждается тем, что имеет.

Он не собирается помогать.

Но когда всё закончится... будет скучать.

И предвкушает это.

Фернанд слаб. И это отличный повод выбрать его будущим королём. Ведь правитель должен быть ведомыми и богобоязливым. Радгард не знает, что он сам об этом думает — и не желает знать.

На небе полная луна окружена алой дымкой.

Вместе с кровью падает на пол шёпот, тёмная магия, словно дым, выплывает из свежих ран Радгарда.

Он стоит посреди коридора на красном ковре босыми ногами. В шёлковом тёмном халате. В одиночестве. Демоны поют беззвучно. Стражники тихо шлёпаются на пол, словно бесы всасывают звуки, когда говорят.

Нефритовый замок объят удушьем.

Поступь Радгарда легка, он отворяет позолоченную дверь

и впервые оказывается в комнате брата.

Тот спит с книгой в руках. Платиновые волосы раскиданы по подушке. Должно быть, он похож на отца. Тьма сгущается, воздух дрожит, Радгард проводит пальцем по лицу Фернанда, словно замороженный. От лба к спинке носа, скулы, мягкие губы, острый подбородок...

Поддавшись порыву, он оставляет в шёлке волос холодный поцелуй.

— Брат...

Фернанд распахивает веки. Его глаза цвета ясного неба в солнечный день.

Радгард улыбается. Чтобы успокоить. Но, должно быть, это выглядит как издевательство.

Магия не даёт Фернанду пошевелиться. Она заползает в рот, глаза, уши...

Он бледнеет.

Радгард отступает на шаг.

Слишком поздно. Назад не повернуть. Он не позволит убить себя на арене. Но и мучиться брату — тоже.

Он достаёт клинок, хватает лишь одного верного движения.

Рука не дрогнула...

Хорошо.

Фернанд похож на куклу, если не обращать внимания на сочащуюся кровью шею.

Он будто ненастоящий, а не мёртвый.

Радгард нависает над ним, пошатываясь, в попытках осознать, что теперь наследников престола лишь двое.

«И плещется кровью алой
Смерти причудливый танец.

Спи, засыпай, не бойся.

То смерть уколола свой палец...»

Ему стоит забрать клинок, пройти в свою комнату, скрывшись за завесой тьмы — и уснуть.

Он садится на пол у изголовья брата, вытягивает книгу из его холодных рук, хмыкает.

«Сказки и легенды».

Как мило.

Может быть, стоит почитать что-нибудь отсюда маленькому Лунард, передать привет от брата, так сказать.

Оскал сверкает в полутьме.

Радгард не уйдёт, пока тело Фернанда не остынет. Потому что... если он поднимется, повернётся к брату спиной... вдруг на мгновение ощутит на себе острый... взгляд?

В коридоре раздаются шаги, это напрягает, но сдвинутся с места не получается. Свести взгляда с букв не выходит.

На пороге застывает король. Ему не нужно проходить дальше, нависать над сыном, глядеть на его бледное лицо в лунном свете...

Он понимает всё сразу же.

— Так и знал, что наша встреча в саду спровоцирует тебя на недоброе... — произносит он ровно, так что Радгард

вздрагивает.

— При чём здесь это?

— Совпадение? Так близко увидеть мать — это стало последней каплей, не так ли?

— Это всё, что ты можешь сказать?

— Ты нарушил правила. Сам это знаешь.

Радгард запускает пальцы в каштановые волосы, оттягивает пряди, морщась и поднимает янтарные, поблёскивающие из-за магии глаза на отца.

— Никто мне и слова не скажет, — выплёвывает он.

Король кивает и будто собирается уходить. Он одет так, словно ещё даже не готовился ко сну. Взгляд то ли безразличный, то ли уставший.

— Тогда чего ты заводишься? — выдыхает так, будто сдерживает ухмылку.

Радгард подпрыгивает на ноги. Его мёртвый брат, убиенный им брат, как и полагается в таких случаях, недвижим. Тихо спит вечным сном позади.

Его не стало, и мир не перевернулся с ног на голову. Ничего не изменилось. Никто не изменился.

— Тебе... плевать.

— Мы лишь инструменты в руках богов, — король окидывает Радгарда долгим взглядом. — Моя мать была на редкость плодовита. Пятнадцать детей... Она любила каждого. И очень быстро от этого распрощалась с рассудком.

— Не одобряешь? — Радгард едва ли не рычит. — Она

была достаточно смелой для этого!

— Она была дурой.

— Ты...

— Убил их всех. Конечно. Некоторых ещё до состязания.

Но ты не можешь позволить себе такую роскошь. Слава богам, вас всего трое. Двое, — на мгновение, всего на мгновение, его голос дрогнул.

— Теперь либо я, либо Лунард.

Король упирается затылком в дверной косяк, щёлкает языком, будто дошёл до мысли, которая ему не понравилась.

— Не спеши с выводами, сынок, — звучит насмешкой. —

Ты должен знать, что бывает, если наследников не остаётся.

— Обязательно кто-то находится.

— Конечно. Но не из королевской семьи. И тогда он должен будет обручиться с женщиной, в которой течёт кровь Первого Короля. Но каждый раз в таких случаях мир подходит к грани. Неужели ты хочешь править руинами? Тебе следовало бы подумать об этом, если действительно хочешь править этими землями после меня.

— Править? — повторяет Радгард. — Ты издеваешься, Эларис?

Он, наконец, полностью распрямляется и подходит к отцу.

— Мне плевать на эти земли, на поданных, на трон. Я бы с радостью станцевал на ваших костях.

— Тогда отчего такая прыть?

Радгард проходит мимо так, будто это обычное дело —

существовать так близко рядом с правителем седьмого королевства, отцом по крови, но не более того.

— Да я просто... — шепчет он. — Жить хочу.

Стоит ли упрекать его, если выбор лишь между двумя дорогами — умереть или стать повелителем.

Седьмое королевство беспощадно к тем, кто смеет перечить.

Радгард и не собирается.

Он лишь ускоряет неизбежное.

— Полагаю, — бросает Эларис ему вслед, — Лунарда ждёт та же участь? Боишься, что не справишься с сопляком, что младше тебя на шесть лет?

Радгард останавливается.

— Я не хочу, чтобы какая-нибудь фея, посланная богами, подставила мне подножку в самый неподходящий момент. Предусмотрительность — не порок.

— Некоторые считают, что если тебе не суждено стать королём — не станешь. Заболеешь, усохнешь, истаешь на глазах...

— Я прекрасно себя чувствую.

Эларис кивает.

— Что же... Я удивлён, что с твоей магией, ты разгуливаешь ночами по коридорам и перерезаешь глотки своими собственными руками. Удивлён, что опасаясь такой бездарности, как Лун.

У Радгарда дёргается угол губ, он оборачивается, магия

собирается вокруг колышущимися хвостами тьмы.

— Не тебе судить о нём, едва ли ты подходил к нему ближе, чем на пять метров, за всю жизнь. А мне вдруг подумалось... Что если ты сдохнешь сейчас?

Он делает два шага вперёд решившись.

Каменные плиты между ними топорщатся и с грохотом поднимаются, закрывая Элариса от взгляда Радгарда.

— Ничего хорошего, — легко отвечает король. — Едва ли мы ещё сможем поговорить, позволь мне дать тебе совет... Самое большое испытание — не убийство братьев. Ты должен будешь проститься и со своим мастерством, отточенным сейчас почти что до идеала. Никакой больше магии. И никакого права выбирать свою судьбу.

«Что?...»

Радгард хочет взглянуть на него, но за стеной лишь пустой коридор, трупы и лунный свет.

Внезапная смерть одного из наследников взбудоражила седьмое королевство, но никто не говорил о том, что Радгард виновен в этом. Хотя приближённым ко двору это и очевидно. Старший принц слишком силен и непредсказуем, нет сомнений, он станет будущим правителем, а потому не стоит идти против него.

Лунарда похоронили заранее, он чувствовал это на себе, с каждым взглядом, каждым жестом, он смотрел в чужие глаза и понимал, что почти что мёртв.

Но не осознавал этого.

Радгарду стоило бы ликовать, но он стал ещё мрачнее.

Проходя по залу славы между каменных статуй, которые когда-то были королями, заломив руки за спину, он обдумывает своё будущее, простую и верную дорожку вперёд, окаймлённую щитами поданных. Осталось лишь избавиться от мальчишки и в день, когда придёт время, занять место отца. Присмотреть себе невесту, взять с народа клятву верности, распрощаться с магией. Нарожать детей, чтобы потом наблюдать, как они вгрызаются друг другу в глотки и свергают его.

Уходить в никуда.

Его сила оборачивается чёрными крыльями, каждое перо в которых будто выковано из стали, что отчего-то стала цвета дёгтя.

Позволить отрезать себе их...

Позволить посадить себя на цепь...

Радгард хохочет, глядя в лицо первого короля. Какой же идиот! Отказался от захвата мира ради женщины!

С другой стороны, если мир под властью его был бы одним большим седьмым королевством, из которого не сбежать...

Сейчас земли людей — оплот надежды. Вдруг там не правят боги? И люди сами могут выбирать свою судьбу?

— Ты очень красивый... — звучит тонкий голосок снизу.

Радгард с усмешкой оборачивается, крылья оставляя зримыми. Они создают вокруг него вихрь, что поднимает жёл-

тую листву.

Лунард прячется за статуей одного из королей. Ещё совсем мальчишка, как обычно, с колючими сосульками тёмных волос, голубоглазый, милый.

— Правда? Ты добр ко мне, Лун.

Радгард усмехается, подходит к нему и присаживается на корточки. Мальчик хмурится, рассматривая его крылья.

— Я решил, что не убью тебя, — выдаёт он, сверкнув глазами.

Радгард смеётся.

— Правда?

— Да, — он поджигает губы, — ты мой брат, я не стану в этом участвовать.

— Это придётся в любом случае.

Лун мотает головой.

— Я всё решил. Я... хочу дружить с тобой.

— Сопля, — у Радгарда дёргается угол губ, крылья рассыпаются пеплом, — ты уже должен понимать, что к чему. Ты...

— Я всё знаю...

Лунард касается пальцами пола, пачкая их в «пепле», что переливается на коже, как пыльца фей. Но лишь несколько мгновений, после чего исчезает без следа.

— У меня не так много времени, и я хочу провести его с тобой. Я хотел и с родителями, но...

Радгард поднимается и отходит. За колоннами золотит-

ся осень, каменные лики королей глядят на двух братьев неодобрительно, небо подёрнуто серой дымкой от костров. Нынче сезон сжигания рыжих девиц...

— Они слишком слабы, чтобы любить тебя. Она даже не хочет узнавать тебя, какой ты на самом деле. Как и наш отец.

Лун делает шаг к нему, но Радгард держится на расстоянии, будто не хочет испачкаться.

— Но ведь... Я знаю, дети болеют. И иногда умирают. Иногда родители знают это заранее. Они ведь не бросают их?

— Не бросают, потому что уже любят. Потому что не рассчитывали, что это обернётся болью и омрачит им всю жизнь.

— Но я не хочу... — Лун всхлипывает. — Омрачать. Я хочу знать их. К тому же... Им не придётся... Они ведь тоже умрут после меня.

— Верно, — Радгард щёлкает костяшками длинных бледных пальцев. — Но они привыкли не замечать тебя. Привыкли к своей слабости, она стала их сутью. Бесполезно стучать в закрытую дверь.

Лунард хмурится, пытаясь понять слова старшего брата.

— Но ты ведь не такой, как они. Мы сможем общаться, прежде чем ты...

— Убью тебя?

Лун поднимает глаза. На его губах светлая улыбка.

— Если я не стану ничего делать. У тебя будет выбор... Тебе не нужно будет думать о ноже в моей руке.

Радгард оглядывает его так, будто впервые видит.

— Тебя кто-то попросил прийти сюда и говорить со мной?

Что ты задумал?

— Н-ничего.

— Думаешь, всё так просто? Если не решать самим, за нас всё решат боги. Не жди от меня пощады.

Лун кивает.

— Хорошо. Давай погуляем вместе?

В ладони Радгарда появляется острое перо — часть его силы. Он швыряет его в брата, тот не уворачивается, но острый край задевает лишь плечо. Принц всхлипывает, но не отступает.

— Послушай, наш отец ещё молод, у тебя есть время, чтобы обдумать всё лучше. Есть время, чтобы стать сильнее. Не давай клятв, которые не сможешь сдержать. И не пытайся меня обмануть.

— Брат...

Радгард уже не слушает его. Он мог убить Луна прямо на глазах королей. Но побоялся.

Впрочем, неважно, сделает он это под покровом ночи или при свете дня, боги либо примут это, либо прихлопнут его, как муху.

Нет никакого смысла тянуть с убийством брата.

«Ты король, король, король... Король... Чего ты боиш-ш-шься? К чему стремиш-ш-шься? Ты пользовался нашей силой, боги отнимут её, но тебе не придётся платить... Хо-

рош-ш-шая сделка. Или ты... — демоны шипят в его крови, один из голосов, бархатный и весёлый, бьёт по вискам сильнее прочих, — хочешь большего, Радгард?»

— Хочу.

— Придёшь ко мне ночью?

Голос Радгарда капает на пол вместе с водой. Она красна от кровоточащих ран, как и бархатные ленты его слов.

Три узких витражных окна расположены лесенкой у огромной каменной ванны в виде полумесяца. В воздухе витает пар и запах благовоний, на гранитном полу валяется одежда, и нет рядом слуги, чтобы её поднять.

Но есть младший принц, черноволосый, востроглазый, он мнёт в руках розовое мыло, наблюдая как разноцветные лучи касаются обнажённой спины брата, с которой стекает вода.

— Зачем? — шепчет, глядя с недоверием, будто не в силах осознать до конца, что Радгард вообще разговаривает с ним.

— Этой ночью... я спою тебе колыбельную.

Радгард ухмыляется, янтарные глаза на мгновение сверкают языками пламени.

Лун подходит к нему и проводит по плечам ладошкой в пене.

— Ты решил быть смелым, братик?

Он кладёт мыло на край ванны, но оно соскальзывает и

падает в воду.

«Бульк».

Открывается дверь. Конечно, кто бы ещё осмелился зава-
литься в купальню старшего принца?

— Циркон, — мурчит Радгард, — не помню, чтобы про-
сил тебя зайти.

У вампира длинные белые волосы и глаза, словно из гра-
натовых костей. Он высокий, стройный, красивый. Острож-
ный. Резкий.

— Лунард не положено здесь быть. И если его няньки не
смогли вам перечить, то я служу лишь королю, а это не вы.

— Пока что.

Циркон в ответ лишь поджигает губы и протягивает
младшему принцу руку с длинными, острыми когтями.

Лун видит, что брат не возражает, а потому следует за
вампиром.

Радгард не смотрит в его сторону, но мальчик у самого
порога останавливается, чтобы сказать:

— Хорошо.

Циркон служит седьмому королевству не одно поколение
королей, он помнит нынешнего ребёнком, будет помнить и
детей одного из тех, кто останется в живых и взойдёт на трон.
Смерти преследуют его. В нефритовом замке от них нигде
не скрыться. Не хочется верить, что и Луна ждёт участь всех
прочих неудачливых отпрысков...

Он удивителен, у древнего вампира есть некоторая компетенция в этом вопросе.

Пусть сам Рафаэль и присосался к старшему — интересно, что в нём нашёл?

Радгард похож на отца, мятежная душа страдальца, страсть к магии, холод в сердце. Он не из тех, кто сможет жить в удовольствие, не из тех, кто когда-нибудь сможет сказать, что счастлив. Он никогда никого не полюбит, и никто не полюбит его. Но все будут верны королю. И по всей видимости, им он вполне себе сможет стать.

А Лунард станет лишь очередным воспоминанием в ларце вампирской памяти.

И всё же надежда на иное есть...

— Держись от него подальше, — предостерегает Циркон.

На что Лун неожиданно фыркает и передёргивает плечом в раздражении — это на него не похоже.

— Он мой брат.

— Ты знаешь, что это даже хуже.

— Тихо.

Лун задирает голову и в его глазах отражается тусклое осеннее небо. Нужно не дать слезам пачкать лицо. Стоять так, пока не перестанет щемить глупое сердце. Стоять, вслушиваясь в напевы ветра, в шелест листвы и шёпот ещё не родившегося дождя.

— Зачем тянешься к нему?

Циркон ложится прямо на холодную землю, он может ни-

куда не спешить, его должность, так же, как и у короля, лишь дань традиции...

— Я хочу любить его.

— Зачем?

— А зачем себя этого лишать? Не хочу никого ненавидеть, не хочу умирать от тоски, как Фернанд.

— В конце концов его убила не тоска.

— Да, — Лун чувствует, как слеза всё же стекает по щеке и всхлипывает, — да... Но это выбор Радгарда. Я тоже выбрал. Не хочу бояться, когда он зайдёт ко мне в комнату.

— Поэтому решил прийти к нему сам? Значит, я потеряю тебя сегодня?

— Я не хочу этого. Но если будет так, не расстраивайся.

— Разве я могу? — усмехается Циркон. — Моя душа давным-давно летает вместе с воронами, дожидаясь, когда демоны позовут её к себе.

— Несмотря на это ты добр, — Лунард переводит на него взгляд, внезапно перестав стесняться своих слёз, — ты показал мне, что это вопрос силы и выбора. Почему он не может этого понять?

— Ну, не все такие великолепные, как я, — улыбается Циркон. — Я не буду тебя останавливать, вижу, ты знаешь, что делаешь. Даже если это мне не нравится.

— Спасибо.

Вампир переводит взгляд на столп дыма вдалеке и вспоминает свою рыжую ведьму, чей выбор тоже когда-то при-

шлось принять. Они с Астрой любят друг друга, но она смертна, а он проклят. И мог бы обратить её, но даже если бы она этого хотела — каким монстром надо быть, чтобы сотворить подобное с тем, кого любишь?

К тому же, она не хотела.

Ведьма должна оставаться ведьмой.

В одиночестве, в гармонии с природой и собой.

Сейчас она постарела, они всё ещё видятся, и каждая встреча режет ножом по сердцу, жжёт сильнее огня.

Любить — значит отпускать.

Лунарда в том числе.

Ночь точно такая же, как и та, что поглотила сверкающей пастью душу Фернанда. Радгард валяется на своей кровати с балдахином, словно восточный шах, пьёт вино и гадает, переступит ли Лун порог его покоев. Решится ли?

Звёзды горят пронзительно-белой болью, словно раскалены до предела.

Вино отчего-то горчит.

«Ты сомневаешься?»

— Не думаю, что то, что я говорю с тобой — хороший знак. Демоны должны оставаться в Аду.

«Ты пользуешься моей силой, мне интересно, не более того... Если бы я делал первоклассный шёлк, мне было бы любопытно, какое из него сшили платье...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.